

Трилогия
в одном
томе

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

Багдадский вор

Москва, 2013

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

Трилогия
в одном
томе

- Багдадский вор •
- Посрамитель шайтана •
- Верните вора! •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Серия основана в 2005 году
Выпуск 138

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.

Б43 Багдадский вор: Багдадский вор; Посрамитель шайтана; Верните вора!/Послесл. И. Черного. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 701 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1456-7

О благословенный город, воспетый Шахерезадой! Высокие голубые минареты, пение муэдзинов, яркие звёзды, томные взоры кареоких красавиц и звон браслетов... Разве мог думать наш современник Лев Оболенский, что хоть когда-нибудь воочию увидит эту восточную сказку? Но на всё воля Аллаха...

Заскучал как-то великий поэт и пьяница Хайям ибн Омар и, случайно найдя в винном кувшине джинна, потребовал найти себе достойного преемника. А то, что нетрезвый джинн чуток перепутал время, страны и религию, это не так важно...

Главное, что на солнечные улицы Багдада, Бухары и Самарканда шагнул голубоглазый удалец из заснеженной России, не боящийся ни всесильного эмира, ни грозной стражи, ни вампиров-гулей, ни даже происков самого шайтана! Да и кто посмеет остановить Багдадского вора и его верного друга Ходжу Насредина? Желающие огрести становятся в шумную восточную очередь на солнцепёке...

Удачи тебе, Лёва-джан!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белянин А. О., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1456-7

• Багдадский
вор •

ПРОЛОГ

«Бисмиллях ир-рахман ир-рахим!»

Вознесём молитву к престолу Всевышнего и с молитвой начнём наше повествование. Воистину велик и мудр Аллах и бессмертны деяния его... Ибо осенил он благодатью своей души правоверных и возвёл к небесам руки свои, извечно благословляя славный город Багдад. И правил тем городом могучий эмир Селим ибн Гарун аль-Рашид, чьё громкое имя из века в век будут прославлять благодарные мусульмане. Сурово искоренил он один из самых страшных пороков души человеческой — воровство! Зорки были его стражи, неподкупны судьи и суровы палачи — кровь рекой лилась на плахах, и ни один грешник не избежал заслуженной кары! Но горек был день, когда на улицах спящего Багдада появился молодой человек с кожей белой, как снега Шахназара, и глазами голубыми, как купола Бухары, а гордое имя его звучало подобно бубнам Хочкара — Лев Оболенский!

Очень коротенькая биографическая справка: «Оболенский Лев Николаевич, 1967 года рождения, русский, прописан и проживает в городе Москве. Женат, имеет годовалого сына, работает помощником прокурора. Рост выше среднего, телосложение крупное, волосы тёмно-русые, кудрявые. Действительный член Дворянского собрания России, потомок древнего аристократического рода. Всего в жизни добивался сам...» Натура разносторонняя, увлекающаяся, что, впрочем, не мешает ему иметь трезвый взгляд на реальные вещи. До описываемых нами событий ни в чём предосудительном не участвовал, фантастику не читал и всё произошедшее с ним долгое время скрывал даже от друзей. Мы были знакомы достаточно давно, но встречались редко: я не каждый день бываю в Москве, он в Астрахани — ещё реже.

Так вот, год назад, случайно прочтя мою автобиографическую книгу о приключениях тринадцатого ландграфа, Лев позвонил и поделился очень загадочной историей. Проблема переселения душ и множественности воплощений человека на этой земле волновала

умы не одного поколения. Думается, что этот рассказ внесёт свою скромную лепту и, быть может, послужит для кого-то уроком. К моему дружескому предложению написать что-либо на эту тему сам Оболенский отнёсся довольно скептически. Мне так и не удалось убедить его в том, что вся эпопея, сделавшая его знаменитым Багдадским вором, в должной мере оригинальна и поучительна. Но, увы... прочтя мои первые намётки романа, Лев сказал, что это никому не будет интересно, потому как тысячу раз уже было и в кино, и в литературе, и наотрез отказался ставить своё имя в соавторах. А посему прошу видеть во мне, а не в господине Оболенском, истинного автора сего повествования. Итак...

Лев не верил в сказки. Москва вообще очень быстро отбивает у своих детей веру в чудеса. Слезам столица традиционно не верит, но щедро наделяет взамен холодным практицизмом, трезвой расчётливостью, привычкой полагаться исключительно на себя и особой, только москвичам присущей, гордостью. Приезжие единодушно называют москвичей высокомерными снобами. Это ложь! С полной ответственностью заявляем, что настоящие, коренные жители столицы — народ общительный, хлебосольный и чрезвычайно деловитый. Если вы приехали сюда в первый раз — вам не откажут в ночлеге, накормят ужином, поддержат советом, но, увы, на этом всё. Превыше всего москвичи ценят в человеке самостоятельность. Тебе помогли? На следующее утро берись за дела, барахтайся, как можешь, но выплывай сам. Сажать тебя на шею никто не обязан... Думаю, что подобное лирическое отступление немного поможет вам понять характер нашего героя и не удивляться, почему он порой поступал так или иначе.

Дело в том, что памятным утром середины января позапрошлого года на Льва Оболенского неожиданно свалились самые настоящие чудеса. Сначала был сон... Длинный, маловразумительный сон, мучивший его почти полночи. Лев дважды просыпался в холодном поту, ругался, чашками пил кофе на кухне, ложился вновь, но сон возвращался с завидным постоянством. Чёткого сюжета в нём не было, а суть неизбежно сводилась к одному — смерти! Вроде бы он, Лев Николаевич, разгуливает по сказочной Бухаре, словно сошедшей со страниц «Тысячи и одной ночи». Щёлкает дорогим фотоаппаратом, грызёт арахис в меду, чуть улыбается проходящим красоткам в чадрах и, как вежливый российский турист, никого не обижает. Шумит восточный базар, размахивают руками крикливые торговцы, взад-вперёд снуют босоногие мальчишки; нищие, гнусавя, просят подаяния... А небо над головой — синее-синее, облака белые-белые, и огромный диск солнца похож на золотой казан самого эмира! Утомлённый Лёвушка останавливается в тени навеса тор-

говца редкими тканями. Вытирает пот со лба, улыбаясь, пытается на пальцах объяснить хозяину, что ничего не покупает, зашёл просто так... Лицо лавочника становится злым, он хватается Оболенского за руку и тонко кричит на весь базар:

— Этот человек — вор! Он украл тень! Он наслаждался её прохладой и не заплатил ни таньга!

Сначала москвич громко смеётся, как бы над удачной шуткой... но когда появлялась какая-то устаревшая стража... с копиями, кривыми мечами, и его пытались обезглавить прямо у прилавка — за воровство! — Лев кричал и... просыпался. Во второй раз всерьёз обеспокоенная жена предложила ему валерьянки. Оболенский встал, с тоской взглянул на часы и, поняв, что уснуть всё равно не удастся, отправился в ванную. После душа и завтрака с остатками вчерашнего торта он не придумал ничего умнее, кроме как отправиться на работу. Контора открывалась в девять, но Лев счёл, что вполне убедит ночного охранника пропустить его в такую рань. Следующее действие произошло на улице, сразу по выходе из подъезда. К нему привязался старый узбек, один из тех бродячих попрошаек, что заселили сейчас едва ли не весь Киевский вокзал. Старик, видимо, не знал ни слова по-русски, только кланялся и, поминая Аллаха, совал под нос Льву затёртую до дыр тибетейку. Москвичи не любят давать милостыню, особенно тем, кто её, по сути, вымогает. После третьей попытки обойти настырного старика Оболенский вспылал, достал из кармана рубль и приготовился высказать азиату всё, что он думает об их занюханном, но суверенном Востоке. А старый узбек вдруг, глаза в глаза, уставился на молодого помощника прокурора, хлопнул себя тибетейкой по колену, ощерив в улыбке редкие острые зубы:

— Ай, шайтан! Якши шайтан! Весь Багдад его ищет, а он тут гуляет... Настоящий шайтан, клянусь бородой пророка Мухаммеда! — И узкоглазый дедок вновь забормотал что-то узбекское, бодро хромая в обратную сторону. Лев от избытка чувств шумно выругался матом, нарвавшись на ответное воронье карканье с ближайшего мусорного ящика. Третье событие произошло по дороге на работу и оказалось роковым. Москва — деятельный город: даже если вы отправляетесь на работу в шесть утра, то всё равно пойдёте в плотной толпе таких же ранних пташек. У каждого свои планы, свои заботы, свои сложности — до ваших проблем никому дела нет. И всё-таки Лев не мог отвязаться от ощущения того, что за ним кто-то следит. Сначала он гнал от себя это чувство, как первый признак паранойи. Потом начал невольно оглядываться в поисках того, кто так упорно сверлил его спину взглядом. На улице, в троллейбусе, в переходах метро, в поезде — везде его преследовали незнакомые глаза, колю-

чие, как рентгеновские лучи. Они были повсюду — слева, справа, сзади, сверху, снизу. Лев всей кожей ощущал нереальную физическую мощь направленного взгляда, но никак не мог встретиться с преследователем глаза в глаза... Сначала это даже тревожило, потом стало раздражать! Дворянская кровь Оболенских никогда не отличалась долготерпением, а уж о трусости в их роду вообще не слышали. Когда разгорячённый невидимым соглядатаем Лев встал на пороге своей конторы и резко обернулся, его голос действительно подходил на рык царя зверей:

— Какого чёрта?! А ну выходи, подлец, и поговори со мной как мужчина с мужчиной! Или, клянусь Аллахом, я...

С чего ради он стал клясться светлым именем всевидящего и всемилостивейшего, Лев не в состоянии объяснить до сих пор. Видимо, слишком много восточного в тот день свалилось ему на голову... А в ту скорбную минуту его ботинок самопроизвольно соскользнул с порога госучреждения, и благородный господин Оболенский всем весом опрокинулся на спину, тяжело ударившись затылком о холодный асфальт. Как его поднимали, вызывали «скорую» и везли в больницу — он не помнил. Главным для нашего рассказа остаётся одно: молодой человек впал в глубокую кому, и всё, что мы знаем о его тогдашнем состоянии, почерпнуто из скудных строчек медицинских отчётов:

«...дыхание ровное, пульс непрерывный. Больной не реагирует на посторонние раздражители. Отечественная медицина не располагает средствами, способными эффективно улучшить состояние пациента. Ведутся переговоры с американской клиникой в Нью-Джерси. Их опыт работы с больными в состоянии комы более обширен, хотя, по утверждению самих американских специалистов, полной гарантии у них тоже нет...»

ГЛАВА 1

Путешествие в Арабские Эмираты со скидкой, в багажном отделении...

Всё ещё Горящие Путёвки

Лев пришёл в себя от невразумительного шума. Два голоса, яростно споря, ругаясь и перекрикивая друг друга, пробивались в его затуманенное сознание... Сначала он даже счёл их появление новым дурацким сном. Глаза открывать не хотелось по причине безумно болевшего затылка, наверняка его стукнули паровозом... Что такое паровоз, Лев не знал, но почему-то был уверен, что эта штука очень

тяжёлая. Он ощущал своё тело непривычно лёгким, руки и ноги словно висели в воздухе, а вот припомнить, что конкретно с ним произошло и где он сейчас находится, — никак не удавалось. Не желая усложнять себе жизнь натужным шевелением мозгами, Оболенский расслабился и более благосклонно прислушался к настырным голосам, продолжающим незаконченный спор...

— Ты старый, бесполезный, пьяный, тупоумный джинн! Кого ты мне притащил, чтоб Азраил пожрал твою печень?!

— Я не старый... Мне всего двенадцать тысяч лет, а по меркам джиннов...

— У-и-ий, он ещё спорит со мной?! Ты прожил столько веков, а ума в твоей пустопорожней башке — как в пересохшей тыкве! Не позорь мою седую бороду, скажи ради аллаха, кого ты приволок в эту хижину?

— Ты просил молодого, сильного человека, не знающего страха перед законом, смеющегося над эмиром, плюющего на происки шайтана и, самое главное...

— Самое главное, ослоподобный Бабудай-Ага, чтобы он был неместным и никто не знал его в лицо!

Здесь разговор прекращается по причине длинного перечисления цветистых арабских ругательств. Тот, кого называли джинном (или Бабудай-Агой), оправдывался односложно и как бы нехотя. Зато второй, чей визгливый, старчески дребезжащий голос буквально резал уши, украшал свои проклятия столь поэтичными образами, что Лев невольно заслушался. Каждый аксакал на Востоке — обязательно мудрец, а каждый восточный мудрец ругается очень поэтично... Это юным и влюблённым позволено по глупости облекать свои мелкие страсти в дивные узоры рифмосплетённых строчек. Человек, поживший на свете, знает, как скоротечна молодость, а потому тратит благословенный дар Аллаха исключительно на ругань! Ибо в этом есть свой высший смысл передачи мудрости уходящего поколения легкомысленным юнцам, иначе они просто не поймут... Вот нечто такое и пытался донести до всего белого света неизвестный старик, распекающий неизвестного джинна. Оболенский попытался повернуться на бок, но тело отказывалось ему повиноваться, и он вновь сосредоточил внимание на голосах, которые звучали теперь так близко, что уши начинали побаливать...

— Мне был нужен вор! Самый ловкий, самый неуловимый, самый искусный вор, чьё имя с восторженным придыханием произносили бы от вершин Кафра до низовий Евфрата. Его глаза должны быть подобны зелёным очам кошки из Сиама, руки — сильны и

упруги, словно клинки Дамаска, шаг — неуловим и лёгок, подобно златотканым вуалям Каира...

— Вах, вах, вах... как красиво ты говоришь, господин мой!

— Я тебе не о красоте говорю, о козлоподобный сын безволосого шакала! Я спрашиваю: кого ты мне притащил?!

— Хозяин, он сильный, смелый очень и умный тако-о-й... Я два раза проверял, снами мучил, денег просил, присматривался, клянись Аллахом!

— Не смей произносить имя Аллаха, светлого и великого! О моё старое сердце, оно не выдержит праведного гнева, гложущего мои бренные кости... Молчи, молчи, гяур лукавый!

— Ну гяуром-то зачем обзыватья...

Лев почувствовал, как у него чешется нос. Поверьте, человек может стойко перенести многое, но, когда нет возможности почесать там, где чешется, — это одна из самых страшных пыток в мире. Может быть, его, спящего, укусил комар, может быть, по носу пробежал муравей, может быть, даже намеревался вскопить прыщ какой-нибудь, — не важно... главное, что Лев Оболенский всеми мыслимыми и немыслимыми усилиями поднял казавшуюся эфемерной руку и упоённо поскрёб переносицу. Оба голоса дружно слились в единый вздох то ли умиления, то ли разочарования. Не прерывая почёсывания, наш герой открыл наконец глаза. И... закрыл почти сразу же, так как увиденное ничуть его не обрадовало. Вроде бы он лежит абсолютно голый на старом, давно не стиранном одеяле, прямо на полу в грязнейшей хибарке, а рядом с ним препираются, сидя на коврике, два странных субъекта. Один маленький и какой-то коричневый, другой высоченный и чёрный, как негр.

— Вай дод! У него ещё и глаза голубые?! О недоношенный щенок чёрной пустынной лисы, я в последний раз тебя спрашиваю: кого ты мне притащил? Кожа белая, как брюхо у лягушки; плечи широкие, как у бурого медведя; пальцы тонкие, как у продажной женщины; глаза голубые, как... О, храни аллах, какой урод!!!

— Там, где я его брал, все такие страшные...

Вот тут уж господин Оболенский не сдержался. Во-первых, он решительно открыл глаза и огромным усилием воли сел. Голова сразу закружилась, но он не позволил себе даже малейшего проявления слабости. Во-вторых, Лев набрал полную грудь воздуха, чтобы обрушиться на грубиянов, но не успел. Он неожиданно поймал себя на том, что смотрит сквозь чёрного гиганта, словно бы тот был не из плоти и крови, а из закопчённого стекла.

— Господи Иисусе... — изумлённо сорвалось с его губ.

— Ва-а-х... — на почти истерическом писке выдавил старый, как карагач, дедок в застиранном халате и драной чалме. — Так он ещё и

неверный! Христианин! О жёлтые почки протухшего верблюда, ты что, не мог найти кого-нибудь в мусульманском мире?! Сейчас же отнеси его обратно!

— Это второе желание? — уточнил джинн. — Тогда слушаю и...

— Не-э-эт!!! — быстро опомнился старик, обеими руками цепко схватив Оболенского за ухо. — Он — мой! Я передумал! Вай... позор на мою седую голову... Как я могу подготовить себе достойную замену и навек отрешиться от дел, посвятив помыслы Аллаху, если бесполовый джинн приволок мне такое чудовище...

— А... вы о ком это? — Праведный гнев Льва мгновенно улетучился, сменившись скорее жадным любопытством, усугубившимся тем, что в голове у него было абсолютно пусто. И пусто, к сожалению, в самом страшном смысле этого слова...

— Вай мэ... — безнадёжно махнул рукой словоохотливый владелец чалмы. — Куда деваться, приходится брать, что дают... Скажи мне своё имя, о страшнейший и уродливейший из всех юношей Багдада!

— Не помню... — неожиданно для самого себя быстро выдал наш герой.

— Как так не помнишь?!

— Так... не помню. И ухо моё отпустите, пожалуйста.

— Кто ты такой? Кто были твои родители? Чем ты занимаешься, какому ремеслу обучен? Откуда родом?

— Не знаю. Не помню. Понятия не имею, — честно отвечал Лев, а старичка, похоже, вот-вот должен был хватить сердечный приступ.

— Ходил ли в медресе? Читал Коран? Чтишь ли Аллаха, всемогущественнейшего и всемогущего?!

— Хозяин, он же христианин... — тихо вмешался Бабудай-Ага, но тут же получил своё.

— А ты вообще молчи, тяжёлый аромат коровьего помёта! Я просил доставить ко мне умного, красивого, вежливого юношу из хорошей семьи, с благородными манерами, правоверного мусульманина... А это что?! Неизвестно кто, неизвестно откуда?!

— Тот, кого ты описываешь, аксакал, ни за что на свете не согласился бы стать вором, — резонно возразил джинн. — А этот молодой человек будет в твоих руках послушной глины под пальцами умелого гончара.

— Я вспомнил! Вспомнил! — Обсуждаемый объект подпрыгнул на тряпках и выпрямился во весь рост. — Я — Лев Оболенский!

ГЛАВА 2

Тут я понял: это — джинн, — он ведь может многое...

В. Высоцкий

К сожалению, это оказалось единственным, что злая судьба даровала бывшему помощнику прокурора. Он сумел вспомнить только своё имя, ни больше ни меньше... Быть может, джинн как-то неправильно провернул волшебное заклинание или удар затылком об обледеневший асфальт не прошёл бесследно, — беднягу поставили перед свершившимся фактом. Лев абсолютно ничего не помнил, но врождённый оптимизм и непоколебимая вера в собственные силы всколыхнули в нём ту неистребимую, вечную жажду жизни, столь характерную для каждого истинно русского человека. Пусть он ничего не помнит и не знает, пусть он наг и одинок, но руки и ноги пока целы, голова на месте, а значит, он сумеет найти своё место даже в этом чужом мире! И ещё посмотрим, кому будет хуже...

Старика в чалме звали Хайям ибн Омар. Лев был убеждён, что где-то уже слышал это имя, но, естественно, никак не мог припомнить где? Характер у старого Хайяма был вздорный, внешность — вроде сморщенной луковицы с козлородой порослью. Как понял Оболенский, в молодости дедок отличался завидной крутизной нрава и наводил шороху везде, где мог. То ли был великим разбойником, то ли вором, то ли аферистом, в общем, крупным спецом по криминальной части... На старости лет начал пить, отсюда впадать в философию, пописывать нравоучительные стишки и вести в целом законопослушный образ жизни. В те времена власти решили ужесточить режим контроля над преступным элементом — и многие друзья и ученики старика были казнены на плахе без всякого суда и следствия. Бывший «авторитет» поклялся отомстить, но не сносить бы и ему головы, если бы по воле всемогущего Аллаха не обнаружил он в одном из старинных кувшинов не вино, а настоящего джинна! Бабудай-Ага выполз из горлышка пьяным в стельку, на радостях пообещав дедуле исполнить три его желания. Умудрённый долгими часами размышлений над пиалой с креплёными напитками, Хайям ибн Омар принял судьбоносное решение — найти себе достойного преемника и, передав ему всё своё мастерство, спустить этот бич божий на мирно спящий эмират. Всё ещё не совсем протрезвевший джинн отправился на поиски и... доставил в близлежащие от Багдада пустыни того самого Льва Оболенского, чьё тело на данный момент в состоянии комы возлежало под капельницей в НИИ Склифосовского. Как получилось, что один человек одновременно нахо-

дился и тут и там, до сих пор никто не сумел более-менее связно объяснить... Джинн за дорогу быстренько выветрил из головы весь алкоголь, а его теперешний хозяин, не переставая ругаться и жаловаться, носился взад-вперёд по хижине, лихорадочно размышляя: куда бы теперь пристроить этого голубоглазого великана? Внешность Льва мгновенно стала его минусом, а вот потеря памяти, наоборот, плюсом, ибо представляла поистине неограниченные возможности. Чем дедушка и не преминул воспользоваться...

— О возлюбленный внук мой, пользуясь благорасположенностью Аллаха, я спешу раскрыть тебе тайну твоего рождения. Будь проклят шайтан, лишивший тебя памяти... Но преклони свой слух к моим устам и внимай, не перебивая. Ты родился в славном роду великих воров Багдада!

— Вот блин... Саксаул, а ты точно уверен, что мои предки были большими уголовниками?

— Не саксаул, а аксакал! Аксакал — пожилой, уважаемый человек, а саксаул — это верблюжья колючка! Сколько можно повторять, о медноголового отпрыск северных медведей?!

— Ладно, не кипятись... Я ж не со зла, просто слова похожие...

Старый Хайям мысленно вознёс молитву к небесам, прося даровать ему долготерпение. На самом деле Лев постоянно ставил своего учителя в тупик совершенно незнакомыми и явно немусульманскими словечками. Нет, память так и не вернулась к нашему герою, но его речь навсегда осталась яркой и самобытной речью молодого россиянина нашего века. Оболенский ни за что не мог бы объяснить, что означает то или иное выражение, но к нему быстро вернулся столичный гонор и особый, присущий только москвичам, «чёрный юмор», чаще приписываемый врачам и юристам.

— О'кей, дедушка Хайям! Общую концепцию я уловил, можешь лишний раз не разжёвывать. Родоков себе не выбирают, примиримся с тем, что есть. Ты только поправь меня, если я собою с курса партии... Итак, как я тебя понял, все мои предки по материнской линии были валютными аферистами и мастрячили полновесные динары из кофейной фольги. Папашка был карманником, дед — конокрадом, дядя ввёл рэкет на караванных тропах, и громкое имя Оболенских громыхало кандалами от Алма-Аты до Бахчисарая. Кстати, как там фонтаны? А, не важно... Стало быть, я с малолетства был передан тебе на воспитание и заколдован злым ифритом, чтоб ему охренеть по фазе конкретно и бесповоротно! Я правильно так цветисто выражаюсь? За пять с лишним лет эмир Багдада публично репрессировал всю мою родню, и они сгнули на Соловках. Тебе же удалось скрыться, подкупить Бабудай-Агу и в конце концов вернуть меня к жизни как общественно полезного члена коллектива.

Верблюд моих мыслей дошёл до колодца твоего сознания, не рассыпав по пути ни зернышка смысла из хурджинов красноречия?

— Ва-а-х, как он говорит, хозяин... — восхищённо прищёлкнул языком чёрный джинн. — Клянусь Аллахом, у него за плечами целых два медресе!

— Я понял только про верблюда, — сухо откликнулся Хайям, но Льва это ничуть не обескуражило.

— А теперь ты хочешь, чтобы я, как праведный сын нереабилитированного врага народа, взял в руки меч возмездия и обкорнал им бороду эмира? С моей стороны — нон проблем, вопрос лишь в отсутствии специальных навыков. Чёй-то мне кажется, что мой батяня не особо утруждался образованием отпрыска...

— Что ты хочешь сказать? — окончательно запутался дед.

— Я воровать не умею, — честно улыбнулся Оболенский.

— Ах, это... — безмятежно отмахнулся Хайям, и его узловатые пальцы сделали тайный знак наострившему ушки джинну. — Знай же, мой возлюбленный внук, что на самом деле ты являешься величайшим и искуснейшим из всех воров Багдада!

— Не может быть...

— Бабудай-Ага, подтверди! — торжественно приподнялся старик, и джинн, пробормотав привычное «слушаю и повинуюсь», кивнул, скрестив руки на волосатой груди. Массивное золотое кольцо в его носу даже задымилось от напряжения, а Лев ощутил лёгкое покалывание в кончиках пальцев. В хижине потемнело, огонь в очаге пригнулся, словно прячась от ветра, где-то далеко громыхнули раскаты грома... Потом всё как-то резко оборвалось, на секунду вообще все звуки пропали.

Хитро сощурился и без того невозможно узкие глаза, старый азиат подсел поближе и протянул ладонь. На ней тускло поблёскивала маленькая медная монетка...

— Смотри сюда, видишь — это таньга. Сейчас я её спрячу, отвернись. — Хайям подумал, ощупал чалму, похлопал себя по бокам, порылся в лохмотьях драного халата и, едва удерживаясь от самодовольного хихиканья, спросил: — Ну, умнейший из молодых юношей с двумя медресе за плечами, где таньга?

— Вот... — Оболенский простодушно разжал кулак, демонстрируя лежащую у него на ладони денежку. Хайям ибн Омар буквально окаменел от такой непревзойдённой наглости, а Бабудай-Ага повалился на пол, гогоча, как сумасшедший:

— Он... он обокрал тебя! Клянусь Аллахом, хозяин... этот человек и есть настоящий Багдадский вор! Вай мэ, вай дод, уй-юй-юй!!!

ГЛАВА 3

Даже лев может подавиться костью убитого им зайца...

Безутешная вдова-львица

Вы наверняка задаётесь логичным вопросом: каким образом русский человек так легко и непринуждённо заговорил на древнеарабском или персидском? Увы, мне нечем удовлетворить ваше любопытство... В первую очередь потому, что сам Лев этим таинственным обстоятельством заинтересовался только после того, как я лично его об этом спросил. Оболенский крепко задумался и в недоумении развёл руками — удобнее всего было бы свалить всё на безответственного джинна, тот всё равно не может за себя заступиться... Хотя лично я склоняюсь к одной из версий множественности миров: обычно человек, попадая в некое параллельное измерение, с удивлением обнаруживает способность говорить на всех местных наречиях. В самом деле, если бы владение языком Лев получил от чернокожего Бабудай-Аги, то что мешало джинну даровать ему и полное знание обычаев, традиций, религии и сложных общественных взаимоотношений Востока? Но, как нам известно, говорить Оболенский мог, а вот относительно всего прочего...

— Покажись, о мой высокорослый внук, дай мне ещё раз на тебя полюбоваться! Ах, вай мэ, ты горечь моей печени и печаль селезёнки... Легче одеть в халат самый большой минарет Бухары, чем тебя! А теперь повернись... Не-э-эт!

«Хр-р-р-р-п-ш-уп!» — с тихим предательским треском сообщила рукава, превращая халат в жилет. Лев сплюнул, помянул шайтана и попробовал присесть. «Хр-р-р!» — раздалось снова...

— М-да... это не джинсы «Леви страус», — раздумчиво признал Оболенский. — Дедушка, ты мне такие колготки больше не бери, я из них вырос. Давай смотаемся до ближайшего фирменного магазина и купим мне приличные брюки.

— У, дебелый нубийский бык... — прикрыв ладонями лицо, простонал Хайям. — Внук мой, ты же вор! Тебе нельзя ничего покупать, ибо это недостойно и оскорбительно для представителей нашего ремесла. Ты можешь только красть!

— Как скажешь, саксаул...

— Аксака-а-л!!! Вай дод, что я буду делать с этим недоношенным царём зверей?! Меня поднимет на смех весь Багдад! Как ты сможешь отстоять семейную честь против Далилы-хитрицы или даже самого Али Каирского? Я уж не говорю о сотне молодых Шехмета из городской стражи... Тебя поймают, как только ты сделаешь пер-

вый шаг из нашей благословенной пустыни в сторону караванных троп!

— Японский городской, так мы ещё и в пустыне?! — ахнул Лев, впервые за последние два часа заинтересовавшийся тем, что находится за порогом старикинской хижины. Откинув полог, он решительно шагнул наружу и замер, сражённый... Стоял тёплый летний вечер. По линии горизонта, насколько хватало взгляда, высились золотые барханы, с одной стороны залитые оранжевым светом заката, а с другой — играющие глубокими голубыми тенями. Небо над головой казалось пронзительно-синим и кое-где уже искрилось праздничными хрусталиками звёзд. А воздух... Какой освежающий воздух бывает в пустыне на исходе дня! Потомственный русский дворянин, Багдадский вор, Лев Оболенский долгое время молчал у забытой богом хижины, восторженно вглядываясь в бескрайние пески и размышляя, почему же всё это кажется ему таким новым и незнакомым...

Хайям ибн Омар поставил эту грубую конструкцию из жердей, шкур и почерневшего войлока ещё в незапамятные времена, когда был куда моложе своего нынешнего «внука». Невысокая гранитная скала сзади укрывала жилище от ветра и дарила тень. Три пальмы, старый колодец, дававший не больше одного ведра воды в день, да скудные запасы муки и риса — вот и всё хозяйство. На самом деле у Хайяма был маленький домик в Бухаре, где он доживал последние годы в обнимку с кувшином, а о старом убежище в пустыне он вспомнил, лишь когда в пьяном угаре поклялся Аллаху найти, для умирения гордыни эмира, нового, молодого преемника. Всё остальное вы знаете, а потому продолжим...

— Дедуля! Всё, вернулся я. Надышался чистым воздухом и вновь припадаю к стопам твоей мудрости с пылкими лобзаниями...

Оболенский широко распахнул объятия и, поймав не ожидавшего ничего подобного Хайяма, от души прижал старца к могучей груди. Аксакал трепыхался и дёргал ногами в тапочках. Бесполезно... Лев выпустил несчастного, лишь до конца исчерпав весь запас внучатой любви. Потом, прищурясь, огляделся и шагнул ко второй безответной жертве:

— Бабудай-Ага, какого лешего?! Сидишь тут у огня, уже чёрный весь, копаешься в золе, словно Золушка какая... Давай украдём где-нибудь ящик пива и хряпнем за знакомство?!

— И думать не смей, шайтан кудрявый! А ты куда?! Сядь! На место сядь, о глупейший из джиннов... — мгновенно очнулся старик, как только Бабудай охотно вскочил на ноги, с благодарностью принимая предложение Льва. — Что ещё ты придумал, неразумный отрок?

— А что не так? Я же вроде правильно сказал: «украдём»! Честь профессии превыше всего...

— Остановись! — строго и торжественно попросил Хайям ибн Омар, и на лицо его опустилась тягостная тень воспоминаний. — Послушай старого человека, и ты поймёшь, как страшно расходовать талант, дарованный тебе Аллахом, на низменные цели. Христиане говорят, что «благими намерениями вымощена дорога в ад». Любой мулла подтвердит тебе, что «Мухаммед осеняет благодатью каждого, кто хочет его слушать. Кто не хочет, не услышит слов пророка. Но шайтан сам лезет в уши и к тем и к другим!». По сути своей это одно и то же... Эмир Багдада решился на праведное дело — он возжелал искоренить порок. Любой вор должен получить свою кару! И они получили... Все, от мала до велика. Прощенья не было никому. Сначала виновному отрубали руку... Джигит, укравший у бая коня для уплаты калыма; старик, подобранный плод, упавший с ханского дерева; женщина, схватившая горсть овса для голодных детей; ребёнок батрака, утолявший жажду из арыка богатого соседа... Стражники волокли всех! Ибо порок должен быть наказан, и праведность торжествовала победу на залитых кровью плахах... От закона не уходил никто, и перед законом эмира все были равны!

— Э... я, наверное, хочу извиниться...

— Молчи! Кто тебя учил перебивать старших?! — прикрикнул старик, но, глянув на поникшего Льва, смутился и даже погладил его по голове. — Прости меня, о мой непослушливый внук... Я дряхлый, выживший из ума верблюд, брызгающий слюной на всё, что не поддаётся его пониманию. Ты — молодой, горячий, на твоём челе печать избранности... Прошу тебя — не трать своих сил в погоне за отражением луны в колодце, но накажи эмира!

— Да я всего лишь...

— Накажи его! Достоин накази самого могущественного человека нашего Багдада. Ты должен это сделать, ибо, не удовлетворясь отрубанием рук, великий Селим ибн Гарун аль-Рашид приказал рубить головы!

— Что?! — обомлел Лев. — Даже детям?

Хайям и Бабудай-Ага скорбно кивнули. Не будем врать, будто бы Оболенский всю жизнь был праведным поборником справедливости, как, впрочем, и вместилищем всех грехов... Нет, в его русской душе одновременно уживались и буйный гнев, и братская любовь, и врождённое благородство, и лихое пренебрежение условностями, а кроме того, у парня было большое сердце... Сталкиваясь по роду своей профессии с разными уголовными маньяками, он яростно ненавидел всех негодяев, избиравших жертвой наиболее слабую и беззащитную категорию — невинных детей.

— Дедушка Хайям, шутки побоку, что я должен сделать? Обворовать эмира?!

— Этого мало...

— Замочить его в сортире? Ну, в смысле убить...

— Ай-яй, зачем говоришь такие слова? Ты же вор, о мой бестолковый, но уже почти любимый внук! Вор, а не убийца. Ложись спать. Завтра тебе предстоит долгий путь в славный город Багдад, да сохранит его Аллах вечно. Что же касается эмира... Я назову тебе имя человека, при помощи которого ты смешаешь грозного Селима с придорожной грязью. Но это — завтра! Сейчас — спи.

— Э... господин, — шёпотом поинтересовался джинн, когда Оболенский со вздохом попытался поудобнее устроиться на старой кошме, — а что ты там говорил о каком-то пиве?

— Пиво... — попытался припомнить Лев, облизывая губы. — Пиво — это, брат... это — религия! И пить его надо непременно ящиками...

— Ва-а-й, но Аллах запрещает правоверным пить вино!

— Вино? Правильно запрещает, — сонно кивнул будущая гроза Багдада. — Но пиво... Пиво Аллах пьёт! И ещё как! Можешь мне поверить.

На том и уснули. Льву снилась заснеженная Москва, троллейбусы, Арбат, храм Христа Спасителя, только он всё равно не помнил, где это находится... А пробуждение было ранним...

ГЛАВА 4

Верь в себя, ибо без воли Аллаха и волос не упадёт с головы твоей!

Слабое утешение лысых

Чёрный джинн растолкал его, когда солнце ещё только-только высунуло первые лучики из-за самых дальних барханов. Старый Хайям уже был на ногах и что-то укладывал в потёртый полосатый мешок. Заспанному Льву сунули в руки кусок сухой лепёшки и горсть липкого урюка. Умыться не позволили, экономя воду, но вдосталь напиться дали. На этот раз отошедший от дел составитель рубаи был категорично немногословен, на вопросы отвечал односложно либо вообще отмалчивался, отворачиваясь в сторону. Как более-менее выяснил Лев, Хайям ибн Омар намеревался отправить его в Багдад, а сам перенестись, с помощью джинна, куда-то на отдых. Тот факт, что его «уважаемый дедушка» едет на курорт, оставляя единственного «внука» мстить всемогущему эмиру, Оболен-

ского нисколько не напрягал. Выросший в суровых условиях российской столицы, молодой человек полагал совершенно естественным то, что его, словно слепого котёнка, бросают одного в самую гущу водоворота жизни. Да нормально... Наоборот! Если бы старик уговаривал его остаться, Лев наверняка бы сбежал сам — сидеть на шее пожилого человека он не позволил бы себе никогда. А потому он потуже затянул пояс кое-как восстановленного халата, подтянул дырявые штаны, сунул ноги в разбитые чувяки и с лёгким сердцем шагнул за порог хижины.

— Мешок возьми, — напутствовал его Хайям, и в глазах старика предательски блестели искорки влаги, — там еда, воды немного. Вот деньги ещё, три дирхема медью... не спорь! Бери, купи себе место в караване. Через два дня будешь в великом Багдаде, а там уж решай сам... Я не смогу о тебе позаботиться.

— Да ладно, справлюсь как-нибудь... — беззаботно ответил Оболенский, принимая из рук джинна мешок и маленькую тубетейку. Национальный головной убор еле-еле уместился у него на макушке, выделяясь белым узором на фоне тёмно-русых кудрей.

— У караванщиков не воруй — побьют, — сразу предупредил старик. — Скажешь караван-баши, что тебе нужно найти лавку Ахмеда-башмачника, криворукого и плешивого, как коленка. Он приютит тебя... Постарайся найти Ходжу Насреддина, это ловкий юноша, веселит народ и успешно скрывается от слуг эмира. Целуй полы его халата и проси взять тебя в ученики. С его помощью ты одолеешь Селима ибн Гаруна аль-Рашида...

— Насреддин, Насреддин... что-то смутно припоминаю... — задумчиво пробормотал Лев. — Это не тот, что ездит на сером ослике, кидает лохов и травит байки при каждом удобном случае?

— Ва-а-х! — тихо восхитился джинн. — Хозяин, он и вправду много знает!

Хайям сердито цыкнул на него и вновь повернулся к герою нашего повествования:

— Видимо, Аллах внушил тебе тайные откровения, о которых ведают немногие... Но на прощанье прими несколько мудрых советов, и, если они дойдут до твоего сердца, ты проживёшь долгую и счастливую жизнь. Не пей вина! Никогда не доверяй женщине! Почитай Аллаха всемогуществейшего и всемогущего превыше всего на земле!

— Вот те крест! Не подведу... — искренне поклялся Оболенский, широко осеняя себя крестным знамением. Старик в ужасе прикрыл глаза ладошками и тихо застонал. Похоже, все его потуги гуськом шли насмарку. Из этого северного тугодума никогда не получится настоящего вора! Но... отступать уже некуда и некогда. Дело сдела-

но, и с чисто восточным фатализмом уважаемый Хайям ибн Омар постарался довести всё до конца...

— Вон там, за тем большим барханом, — караванная тропа. Четырнадцать вьючных верблюдов, идущих из Бухары с ценной поклажей, будут там, едва солнце вознесётся к зениту. Тебе надо спешить... Во имя Аллаха, да будет он вечен на небесах, я благословляю твой путь!

— Что ж... и тебе до свидания, дедушка Хайям. — Будущий вор попытался вновь обнять «родственничка», и тот не протестовал. — Ты пришли открытку из своего санатория, а как наотдыхаешься — звони. Или лучше сразу приезжай, я сниму какой-нибудь домик в Багдаде и буду ждать.

— Приеду... обязательно... когда-нибудь... — стыдливо опустив глаза, забормотал старик, а Лев, помахав рукой, широким шагом двинулся в направлении указанного бархана.

— Бабудай-Ага! Береги дедулю! Вернётесь вместе — с меня пиво-о...

— Он хороший человек, хозяин... — задумчиво признал джинн, когда Хайям развернулся обратно к хижине.

— Хороший... только вор из него плохой... Никудышный вор! Городская стража схватит его в одно мгновение, а значит, ещё одна голова упадёт к ногам эмира. Этот юноша уже несёт на себе тень крыльев Азраила... Всё, больше ничего не хочу о нём слышать!

— Увы, мой господин, — криво улыбнулся чёрный Бабудай, — мне почему-то кажется, что ты ещё о нём услышишь... Клянусь шайтаном! Да мы все о нём услышим, и не раз...

А Багдадский вор — Лев Оболенский шёл себе и шёл, размашисто двигаясь к далёкому бархану, и знойное солнце Азии щедро заливало его дорогу золотом. Он не понимал, как мало подходит для той роли, что навязала ему злая судьба. Огромный рост, крупное телосложение, голубые глаза и светлая кожа — уже одного этого хватало, чтобы сделать его примерно столь же «незаметным», как медведя в гербарии. Добавьте к вышеперечисленному полное незнание Востока как такового, чисто православную набожность, редкую (но меткую!) ненормативную лексику, да плюс ещё явное несоответствие системе общественных взаимоотношений, которой он собирался противостоять... Поверьте, я вас не запугиваю. Мне самому было безумно интересно понять психологию человека, искренне намеревавшегося проломить стену лбом. Крепким, упрямым, русским лбом... Оболенский впоследствии рассказывал, будто в его светлой голове на тот момент не было ни одной, даже самой захудалой, мыслишки о том, что он может и не... победить. То есть инстинкт самосохранения отсутствовал напрочь! Льву крепко «проехали по

ушам», а так как он принял весь бред коварного Хайяма за чистую монету, то и вёл себя соответственно. Он — вор? Отлично, значит, будем воровать! Он должен отомстить насаждающему законы яйце-головому эмиру с явными садистскими замашками? Да от всей широты необъятной славянской души! Селиму ибн Гаруну аль-Рашиду лучше было бы не ждать неизбежного, а резко прятаться где-нибудь в замороженных Гималаях, приняв монашество и отрёкшись от всех земных благ. Эмир этого не сделал— он просто не знал, что по барханам пустыни уже идёт его самый страшный ночной кошмар, Багдадский вор— Лев Оболенский!

ГЛАВА 5

Пустыня — от слова «пусто»...
Глубокое прозрение бедуинов

На караванную тропу он скорее выполз... Оказалось, что это не так близко, расстояния в пустыне обманчивы. А ходить по песку совсем не то, что по асфальту: ноги проваливаются по щиколотку и быстро устают. Спустия пару часов Лев взмок, как собака, снял чувяки, сунув их за пазуху, но каждый шаг всё равно давался с большим трудом. Опытный Хайям отправил его в путь на рассвете, когда солнце ещё не вошло в силу и можно было успеть добраться до места, не рискуя изжариться живьём. Для любого жителя Средней Азии трёх-, четырёхчасовая прогулка утречком по прохладному песочку была бы сущим развлечением, но изнеженному городским транспортом москвичу это казалось разновидностью смертной казни. Оболенский не помнил, где упал в первый раз, как потерял мешок с лепёшками (воду он выдул ещё в начале пути)... и, кувыркаясь с очередного бархана, смачно ругался матом. Его лицо и руки мгновенно обгорели на солнце, став красными, словно их долго натирали наждачной бумагой. А обещанный караван спокойненько прошёл бы мимо, ибо спешил в Багдад, но Лев умудрился опоздать даже на опаздывающий караван (если так можно выразиться)... Его спасло только то, что замыкающей верблюдице неожиданно приглянулась одинокая колючка, и, пока она её дожёвывала, наш путешественник на пузе съехал вниз с соседнего бархана. Погонщик уже тянул верблюдицу назад, на караванную тропу, как вдруг узрел молодого человека, поймавшего бедное животное за хвост.

— Вах, вах... ты что делаешь, разбойник?! Сейчас же отпусти мою бедную Гюльсар или я отважу тебя кизиловой палкой!

Оболенский кое-как поднялся на ноги, но хвост не выпустил. От

жажды его горло пересохло, он пытался что-то объяснить, не сумел и в нескольких супервыразительных жестах дал понять азиату, что устал, что хочет пить, что очень торопится в столицу эмирата, что у него плохое настроение и что если погонщик ему не поможет, то...

— Ах ты, шайтан бесстыжий! — ахнул хозяин верблюдицы. — Да как ты посмел мне показывать руками такое?! Эй, правоверные!!! Саид, Ильдар, Абдулла, Бахрам, все сюда, здесь оскорбляют мусульманина!

Лев раздражённо застонал, он же не мог предполагать, что самый демократичный язык жестов у разных народов может иметь разное значение. Караванчики сбежались на вопли товарища, как на сигнал боевой трубы. Оболенского мигом окружило человек шесть с палками, плётками, а кое-кто и с кривыми ножами за поясом. Лев уже скромненько выпустил верблюжий хвост, а погонщик всё кричал, будто его обозвали плешивым пьяницей, не имеющим рода и не знающим имени отца, да ещё и сожительствовавшим с собственной косоглазой верблюдицей! Все ахали, возмущённо качали головами, цокали языками и уж совсем было взялись проучить бродягу-наглеца, как в дело вмешался сам караван-баши.

— Уй! Что галдите, как вороны на скотобойне?! А ну быстро по своим местам, негодные лентяи! — Потрясая камчой, толстый человек на низкорослой лошадке сразу разрешил все проблемы. Поняв по одежде и манере властного хамства, что перед ним начальство, Оболенский отвесил поясной поклон, присел в реверансе, отдал честь и на всякий случай ещё отсалютовал рукой на манер «хайль Гитлер!».

— Ты кто такой? — Караван-баши носил имя Гасан-бей, отличался похотливым нравом, жадностью, подлостью и всеми отрицательными качествами, приличествующими прожённому восточному купцу. Он мигом оценил рост и сложение виновника остановки, прикинул, сколько могут уплатить за такого раба на невольничьем рынке, и, махнув плетью, приказал дать Льву воды. Оболенский тоже был не дурак и умел худо-бедно разбираться в людях, поэтому, одним глотком осушив предложенную пиалу, он тягуче заныл чем-то безумно знакомую мелодию:

— А-а-а-я, дорогие граждане пассажиры! Прошу прощенья, шо потревожили ваш покой. Мы сами люди не местные, сюда приехали случайно, на вокзале у нас покрали билеты и деньги... А-а-а-я, помогите, кто чем может!

— Я спросил, кто ты такой? Отвечай, попрошайка! — Гасан-бей привстал на стременах и угрожающе замахнулся камчой. Если он привык поднимать руку на беззащитных людей, то в этот раз глубоко про-

считался. Даже не моргнув глазом, благородный потомок русского дворянства вздёрнул подбородок и ледяным тоном сообщил:

— Я — агент! Специальный шпион ФСБ из тайной службы эмира. Брожу инкогнито по пустыням с секретным заданием и даю отчёт в своих действиях должностным лицам званием никак не ниже генерал-майора!

Раскосые глаза восточного купца невольно забежали под прокурорским взглядом потрёпанного афериста. Караван-баши мало что понял, но уловил общую концепцию: этот тип слишком самоуверен для простого бродяги. Поэтому он широко улыбнулся и приветливо предложил:

— Наверное, слишком утомился в пути, раз уже не вижу очевидного. Не давай своему гневу разгореться, о храбрый юноша, пойдём со мной, и ты откроешь мне имя твоих благородных родителей.

— Ага, как же, так я тебе всё и открыл... — буркнул Лев, но за всадником пошёл, справедливо полагая, что влияние этого толстого негодяя он сумеет использовать с выгодой для себя. Ну, в самом крайнем случае просто украдёт лошадь и сбежит... Правда, ездить он не умеет, но как именно надо красть лошадей, Оболенский откуда-то знал. Спасибо джинну...

Гасан-бей и вправду принял молодого человека под своё покровительство, угостил мягкими лепёшками, овечьим сыром и даже пообещал дать вина, как только караван остановится на ночь. Лев царственно-небрежно принимал все знаки внимания, о своём «уголовном происхождении» разумно помалкивал и на неприятности не нарывался. Монеты, данные ему на дорогу дедушкой Хайямом, он так и хранил завязанными в поясе, никому ничего особенно оплачивать не собираясь. Старик немного переувлёкся, вбивая в его буйную голову этикет воровской чести. Не знающий разумных пределов, россиянин охотно впадал в крайности и мысленно поклялся себе: впредь ничего не покупать, а только красть, красть и ещё раз красть! К тому же караванчики, включая погонщиков и охрану, казались такими наивными, что не обворовать их было бы просто грешно... И, невзирая на предупреждения мудрого Хайяма ибн Омара, Лев твёрдо решил этой же ночью обокрасть весь караван! Вообще-то первоначально он и сам караван намеревался спереть (в смысле всех выючных животных с поклажей, а также личные вещи невинных граждан), но вовремя понял, что сбегать такой товар в пустыне будет непросто, а дорогу на Багдад он в одиночку не найдёт...

Путь был долгим. Мерная верблюжья поступь выматывала до тошноты. Дважды Оболенский просто засыпал, уткнувшись носом в пушистый холм верблюжьего горба. Оба раза просыпался оттого, что его страшно кусали какие-то мелкие паразиты, которые разгу-

ливали по кораблям пустыни, как по натёртой палубе. Солнце палило нещадно! Если бы не старая добрая тибетейка, наш москвич давно свалился бы с тепловым ударом. Пыль летела в нос, пески казались нескончаемыми, а Лев начинал всё сильнее задумываться над одним очень принципиальным вопросом: если он родился и вырос на Востоке, как и все его предки, так отчего же ему тут так... некомфортно?! Где-то на исходе дня Гасан-бей объявил привал, и Оболенский уже точно знал, за что он не любит свою «малую родину» — за жгучий песок, несусветную жару и блохастых верблюдов!

ГЛАВА 6

Напилася я пья-а-ной,
Не дойду я до до-ому...

*Песня злостной
нарушительницы шариата*

...Когда Гасан-бей прилюдно предложил Льву провести ночь в его походном шатре, караванчики лишь криво улыбнулись. Древние традиции восточных народов вполне официально позволяли взрослому мужчине возить с собой мальчиков для «согревания постели». И хотя возраст нашего героя давно перешагнул даже за предельные границы юности, подобное приглашение со стороны купца не выглядело чем-то противоестественным. В самом деле, за еду, питьё и охрану следовало платить, а раз молодой человек не предлагает денег, значит, он готов расплатиться иначе. Единственной наивной душой, не ведающей, зачем его пригласили в шатёр, был сам Лев Оболенский. Где-то в самых затаённых глубинах его памяти, на уровне тонкого подсознания, отложилась мысль о том, что если тебя зовут в отдельный закуток, намекая на выпивку, — то будет пьянка! Обычная мужская пьянка, на всю ночь, с долгими разговорами о женщинах и политике, короткими тостами, гранёными стаканами, килькой, колбасой и малосольными огурцами. Потом короткий сон, мучительное похмелье, пустые карманы и смутное ощущение полной амнезии... Примерно это и считается в России — «хорошо посидеть». У Гасан-бея были иные планы...

— О мой юный друг, давай вместе откупорим кувшин этого старого вина и, воздав хвалу Аллаху, наполним маленькие, китайского фарфора пиалы, дабы сердца наши возвеселились, а уста возрадовались!

— Хороший тост, — сразу же согласился Лев, удовлетворённо разглядывая накрытый купцом дорожный дастархан. — Только пить из этих пипеток я не буду — это ж срамотища полнейшая! Неужели нельзя достать нормальную посуду?

Караван-баши подумал и освободил двухлитровую миску из-под винограда.

— Годится. И себе что-нибудь попримочней возьми. Я ж не забудыга какой... Будем пить на равных!

— Конечно, о мой юный друг!.. Разумеется, о краса моих очей! Как ты захочешь, о немеркнувший светоч моего счастья! — радостно подтвердил Гасан-бей. Будучи сорокалетним мужчиной, опытным в делах такого рода, он наверняка надеялся, что после первой же миски молодой человек опьянеет и сдаст все позиции. Ну что ж... видимо, до этого момента он ни разу не пил с россиянином. В течение первого часа из шатра доносились поэтично-витиеватые славословия и громкий голос Оболенского грозно настаивал на том, что тостуемый пьёт до дна! Охрана и караванчики, ещё не успевшие уснуть, с лёгким интересом прислушивались к отдельно долетающим фразам:

— Э... не перебивай меня! Так вот, а Петька и говорит Василию Ивановичу...

— Вай мэ! Твое дыхание мирр и воздух благовонный! Твой стан — как кипарис, тебе подобных нету...

— А вот тебе, браток, лучше дышать в сторону... И насчет стана ты перебрал, но... в целом мне нравится! Давай ещё за добрососедские отношения?

— Твой взгляд как лик реки, рассвету отворённый! И тело — как луна по красоте и свету!

— Гасан, я щас прям краснеть начну...

Примерно спустя ещё минут сорок из шатра пульей вылетел красный караван-баши. Бочком-бочком, просеменя к сложенным тюкам с товаром, он вытащил ещё один кувшин и, честно стараясь держать равновесие, потрюхал назад. Разочарованный вопль Льва разбудил едва ли не пол-лагеря:

— Пошли дурака за бутылкой, он одну и принесёт! Нет, ну ёлы-палы... дай сюда, я сам разолью!

Теперь уже многим оказалось не до сна. Голос Гасан-бея звучал всё визгливее и односложней, с заметным спотыканием и искажением падежей. Мужественный рык Оболенского, в свою очередь, только наполнялся благородной медью, а тосты, потеряв в размере, поражали лаконизмом и значимостью:

— За Аллаха! За его супругу! Как нет супруги?! Тогда за детей! Дети есть, точно тебе говорю... Мы — его дети! За мир во всём мире! Хрен шайтану! Да здравствует товарищ Сухов! За улыбку твою! За Мухаммеда! За... чё, всё кончилось?! Гасан... это несерьёзно! Идём вместе...

На этот раз из-под откинутого полога вышел только Лев, счаст-

ливого в зюю купца он почему-то выволоч с другой стороны, приподняв тряпичную стену. Потенциальный насильник и неупоимая жертва в обнимку добрались до тюков и, невзирая на осуждающие взгляды истинных мусульман, уволокли с собой сразу три кувшина. Часом позже на ногах был уже весь лагерь! Проснулись даже невозмутимые верблюды. Хотя животные и утомились долгим переходом, но спать, когда пел Оболенский... не смог бы никто! Даже сам Лев ни за что не сумел бы вспомнить, откуда он знает тексты таких популярных на Востоке песен, как «Катюша», «Задремал под ольхой есаул молоденький», «Мальчик хочет в Тамбов» и классическую битловскую «Йестудей». Пьяно аккомпанирующего ему на пустом кувшине Гасан-бея это тоже нисколько не волновало... Но самое главное, чуть-чуть подуспокоившись и добив остатки вина, наш нетрезвый герой откровеннейше признался собутыльнику, что он — вор! В ответ на это еле ворочающий языком купец, кося от усердия, шёпотом признал, что он — тоже! Всласть похихикав над этим страшно весёлым совпадением, оба умника дружно порешили сей же час пойти и всех ограбить... В смысле обокрасть на фиг весь караван! Благо обнадёженные минутным затишьем люди, как убитые, повалились спать... Воспользовавшись этим приятным обстоятельством, алкоголики на четвереньках кое-как выползли из походного шатра и пошли на «дело». Гасан-бей пьяненько хихикал, потроша дамасским ножом тюки со своим же товаром. Лев нашёл где-то большой мешок и пихал в него всё, что плохо лежит. Впрочем, и что хорошо лежало, тоже не миновало мешка — порхающие пальцы «искуснейшего вора» виртуозно освобождали спящих от любых материальных ценностей. Особенно Оболенскому понравилось красть тибетейки. Почему именно их? Попробуйте спросить пьяного — вот втемяшилось, и всё! Когда мешок был практически полон, к молодому человеку, пританцовывая, дочикилял караван-баши. Судя по всему, он никогда в жизни не был так счастлив... Аллах действительно запрещает мусульманам пить вино, и правильно делает! Ибо по четыре с лишним литра на брата выдержанного креплёного красного уложат кого угодно, а уж эти двое оторвались от души... Гасан-бей напялил поверх дорогого халата чью-то рваную доху и завязал лицо чёрной газовой тканью, имитируя мавра. Ему это казалось очень смешным, и Лев вежливо похохотал вместе с главой каравана. После чего, вспомнив, что в шатре ещё что-то осталось, он опрометью бросился за вином. Кстати, зря... все кувшины были пусты, и Оболенский, матерно определив несовершенство мира, рухнул, как дуб в грозу, уснув совершенно непробудным сном. Здесь комедия заканчивается и начинается трагедия... А начинается она с того, что хитроумный Гасан-бей, изображающий мавра,

тоже попёрся в шатёр, но по дороге споткнулся о двух погонщиков, и без того подразбужденных грозовыми раскатами Лёвиного негодования... Узрев с полусонья несуразно одетого незнакомца с рулоном размотанной парчи под мышкой и ножом в руке, караванщики мигом сообразили, что происходит:

— Вай дод! Караул!! Грабят!!! Вставайте, правоверные, держите вора-а-а...

ГЛАВА 7

На хорошем воре — чалма не горит.

Профессиональный фокус

Глава бухарского каравана едва не задохнулся от пьяного смеха, глядя, как вокруг него быстренько группируются невыспавшиеся погонщики верблюдов. Ему-то наверняка казалось, что его сразу узнают и разделят веселье, видя, какую смешную шутку отчебучил их благородный господин... Гасан-бей не учёл скудного ночью освещения, своего маскарадного костюма и, самое главное, огромного мешка, валявшегося у его ног. Да, да, того самого, в который гражданин Оболенский старательно складывал всё, что успел умыкнуть у тех же караванщиков. На голову нарушителя заповедей Аллаха была наброшена драная кошма, а кизилловые и карагачные палки в умелых руках погонщиков споро взялись за работу, выколачивая из кошмы пыль. Ну и попутно вколачивая в «бессовестного вора» уважение к Корану... Бедный Гасан-бей взвыл дурным голосом! Причём, на свою голову, настолько дурным, что народ сразу догадался: в кошме завернут сам шайтан! (Ибо человек так орать не станет, а уж правоверный мусульманин тем более.) Поэтому, дружно призвав на помощь Аллаха, погонщики удвоили усилия. Масло в огонь подлило ещё и отсутствие караван-баши. Двое пареньков помоложе быстренько сбегали к походному шатру, но внутрь заглядывать не решились, так как доносившийся богатырский храп ясно свидетельствовал о том, что спальное место не пусто. А «шайтаноподобного вора» связали, не вынимая из кошмы, и, посоветовавшись, отложили до утра, на справедливый суд уважаемого Гасан-бея. Шум утих, украденное имущество кое-как разобрали, и лагерь быстро впал в короткий и сладкий предрассветный сон. А уж что началось утром, когда стонущий с похмелья Лев выпал из шатра, шумно требуя подать сюда его друга Гасана... Когда он собственноручно развязал кошму с побитым собутыльником и караван-баши клялся святой бородой пророка Мухаммеда, что он всех тут поперезарезет... Когда, после массовой экзекуции теми же кизилловыми палка-

ми, погонщики, почёсывая задницы, гадали, кто же на самом деле воровал тюбетейки... Об этом можно было бы расписывать долго, но зачем? И без того наше повествование напоминает мне длинную дорогу в пустыне, где усталый взгляд путешественника замечает любую, самую маленькую деталь однообразного пейзажа, а вечера у костра улаживают слух чужеземца дивными сказками Шахерезады... Всё хорошо в меру, и описательность тоже, — для нас главное, что вечером того же дня караван Гасан-бея вышел к славному городу Багдаду. Но заночевать пришлось у его стен... По указу эмира городские ворота запирались на закате. Опохмелённый с утра Оболенский, подумав, счёл, что это ему только на руку, так как снова страшно хотел хоть что-нибудь украсть. Тащить весь караван не имело смысла, но и не спереть совсем ничего — тоже не радовало душу. Истинный вор не имеет права на лень и праздность, однако прежде стоило запастись полезной информацией. И Лев отправился на поиски активно избегавшего его Гасан-бея...

— Что тебе надо, о лукавый искуситель?

— А хорошо ведь вчера посидели, Гасанушка...

— Вай мэ, думай, что говоришь, а?! Да на мне места живого нет!

— Так я и говорю: лучшее лекарство — накатить на грудь по пол-литра и завтра с утречка встанем, как огурчики!

Караван-баши долгим взглядом посмотрел в голубые глаза Оболенского, безуспешно пытаясь отыскать там хоть каплю стыда. Ага... как же! Если ему что и удалось разглядеть, так это только наивно-детское удивление, ибо, как говорят в России, «долог день до вечера, если выпить нечего».

— Нет больше вина.

— Что, совсем нет?!

— Совсем! — отрезал купец. — О Аллах всемилостивейший, ты видишь с небес все мои поступки... Подскажи, чем я оправдаюсь перед начальником городской стражи, благородным господином Шехметом? Он велел привезти ему пять кувшинов дорогого шахдизарского вина. Из уважения к его должности и горячему нраву я закупил сразу шесть...

— Минуточку, — мгновенно подсчитал Лев, — а мы вчера выпили только пять. Гасан, ты замотничал от друга ещё один кувшин!

— Нет! Не дам! Ни за что не дам! Совсем меня погубить хочешь?! — взвыл караван-баши, и погонщики с охранниками встали на его сторону. Они вообще смотрели на Оболенского с неприязнью... Во-первых, им дорогого вина не довелось попробовать ни глоточка, а во-вторых, белокожему нахалу не досталось и капли того, что с лихвой получил каждый в злополучном караване, — гибких кизилowych палок!

Лев помрачнел, но сделал ещё одну попытку к примирению:

— Тогда, может быть, зафинтилим куда-нибудь к девочкам? Где тут у вас ближайший гарем?..

— Во дворце багдадского эмира... — едва не задохнувшись от ужаса, выдал Гасан-бей, а уже через минуту завопил в полный голос: — Разрази тебя шайтан, о коварнейший из агентов! Ты что, прислан вести среди мусульман крамольные речи и тайно докладывать о тех, кто внимал тебе с радостью?! Истинно правоверный даже помыслить не дерзнёт о гареме эмира...

— А он большой? — шёпотом уточнил молодой человек.

— Да как смеешь ты спрашивать о том, куда и весеннему ветру нельзя заглянуть без воли великого Селима ибн Гаруна аль-Рашида?! — охотно завёлся караван-баши, а все, кто присутствовал при разговоре, наострили уши и вытянули шеи. — Гарем повелителя нашего — святое место, ибо отдыхают там дочери Востока и Запада, Севера и Юга. Золотоволосые красавицы-румийки, с телом розовым, словно нежная плоть раковины. Чернокудрые индианки, натирающие себя благовониями и красящие ступни ног в красный цвет. Желтокожие прелестницы Китая, коим нет равных в искусстве любви и управления энергией «ци». Крутобёдрые персидские танцовщицы, чей живот сводит мужчин с ума. Чёрные нубийки, известные ненасытной страстью, а также тем, что к ним не выйдешь без плётки. Синеглазые славянки, чья верность известна повсеместно, как и умение пить араку. Стройные девушки Аравии, выжженные солнцем до цвета меди, с тугими грудями и множеством браслетов на руках.

— Ещё! — воодушевлённо заплодировал Оболенский, пока Гасан-бей переводил дух. На этот раз Льва поддержал одобрительными выкриками весь караван. Бедного купца затрясло, он закусил рукав халата и опрометью бросился в свой шатёр, дабы не рассказать ещё чего лишнего... Поняв, что продолжения не будет, недовольные слушатели разбрелись по своим местам, укладываясь спать. Начинаящий вор никуда не пошёл, в шатёр не звали, куда-то ещё — тем более, да и не очень-то хотелось... Лев привалился спиной к тёплому боку верблюдицы Гюльсар и, мечтательно глядя на чистейшие звёзды Востока, строил деловые планы на завтрашний день. Конечно, надо бы в первую очередь найти башмачника Ахмеда и выяснить у него насчёт Ходжи Насреддина. Однако, с другой стороны, после пышных восхвалений достоинств гарема гражданина эмира никого искать уже не хотелось. Оболенский понял, что главной достопримечательностью Багдада является гарем градоначальника. А следовательно, это самое первое, что стоит посетить завтра же. И никак не откладывать в долгий ящик...

ГЛАВА 8

Глядя на человека, верблюд может только плевать...

«Гринтис»

Честно говоря, мне самому интересно, откуда у простого бухарского купца такие сведения... Оболенский впоследствии уверял, будто бы очень многие коммерсанты того времени имели по несколько жён, причём в разных странах. А ведь кроме того были ещё наложницы, рабыни и просто «дарительницы удовольствий». Так что о качествах женщин Гасан-бей действительно мог знать немало. Ну а то, что в гареме самого эмира собраны красотки со всех концов света, однозначно не подлежало сомнению! Так считали все, ибо это было признаком богатства и знатности. Думаю, что и сам эмир охотно поддерживал такие слухи...

Помечтав примерно до полуночи, Лев взялся за работу. Надо признать, что, будучи по натуре царственным сибаритом, он всё-таки умел трудиться и не ленился приложить руки к достижению собственного блага. Ещё в пути, выяснив, что за проход в город придётся платить страже пошлину, наш герой быстренько прикинул план наиболее экономного проникновения в Багдад. С этой целью он скромно подкатился к костру шестерых охранников. Те, естественно, не спали, а тихо потрошили барашка, дабы скоротать ночь не на голодный желудок. Оболенского они к столу не пригласили, но он нечто подобное и предполагал, а потому, потолкавшись у них на виду, очень громко и несколько раз повторил, что ляжет спать поближе к верблюдам. Никто и не заметил, как, уходя, Лев стащил небольшой кусок сырой бараньей печени. Дальше было совсем просто... Подойдя к стреноженным на ночь животным, Оболенский храбро мазанул трёх-четырёх печенью по носам и, убедившись, что морды верблюдов запачканы кровью, начал снимать с себя одежду.

— Буду я ходить в этом старье, ждите... — бормотал он, стягивая узкий халат. — Вор должен одеваться прилично! В противном случае его и уважать не за что... Думаю, Гасан на меня не очень обидится. К тому же о безвременно усопших страшной смертью от зубов верблюда плохо не думают... Грех! Аллах накажет, как пить дать...

Дедушкины монеты Лев на время сунул за щёку, тубетейку, халат, штаны и тапки живописно разбросал по песку и, выжимая из бараньей печёнки последние капли крови, «пометил» ими всё «место преступления». После чего, аккуратно заметая следы, в голом виде допрыгал до шатра караван-баши и, порывшись в его тюках, подобрал себе более сносный костюмчик. А уж переодевшись, про-

фессионально закатался в большой мешок с дешёвыми женскими шароварами из Китая. Да, как вы, наверное, уже догадались, заветный кувшин он благополучно перетащил с собой...

— Мне начинает нравиться это дело! Видимо, гены берут своё... К тому же настоящему профессионалу всегда нужна практика. Держись, Багдад! Я намерен красть со страшной силой! Твоё здоровье, эмир...

Утро встретило пригревшегося героя дикими воплями всего каравана. Оболенский сонно улыбнулся, удовлетворённо причмокивая губами, в то время как бледные азиаты будили друг друга рыданиями и криками...

— Вай дод! Вставайте, правоверные, Аллах отвратил от нас своё лицо... И не мешайте мне плакать!

— Что случилось, Али? Не рви халат, он у тебя последний...

— Верблюды съели мусульманина!!!

— Вай мэ! Не может быть?! Ты слышал, Ильнур-джан? Ильну-у-р...

— Уй-юй, зачем так сразу сказал? У него же больное сердце...

— Но, Саид-ага, разве верблюды кушают правоверных мусульман?

— Вах, вах, вах... Сходи сам посмотри! Ещё как кушают, даже костей не оставили... Чем мы прогневили Аллаха?!

— Зовите Гасан-бея! Всё это происки шайтана... У, бессовестные тигры в шкуре мирных животных, зачем вам понадобилось есть того приبلудного юношу? Вас что, плохо кормят, да?!

Подоспевший караван-баши бросился наводить порядок, привычно размахивая камчой направо-налево. Осмотрев место «съедения» и найденные «улики» (драную одежду Льва со следами коричневых капель), а также видя перемазанные подсохшей кровью флегматичные морды двугорбых преступников, Гасан-бей сам впал в перепуганное неистовство. Если пойдут слухи о том, что в его караване кровожадные верблюды живём сожрали случайного путника, — торговле конец! Никто и никогда не захочет иметь с ним дела, его ткани перестанут покупать, а люди обратятся в суд эмира, требуя наказать виновных... Но ведь не верблюдов же! А кого? Охранники, виновато разводя руками, подлили масла в огонь, подтверждая, что молодой человек действительно намеревался лечь на ночлег у стреноженных верблюдов. Наверное, из-за боязни укуса скорпиона... Сентиментальные восточные люди били себя в грудь, рвали на груди одежду и посыпали головы пеплом, прося прощения у «бесприютной души усопшего». Оболенскому даже пару раз становилось как-то неудобно лежать в тюке и не присоединиться к общему горю. Хотя вскоре он захотел выйти совсем по другой, более низменной, причине (всё-таки вино — это жидкость, а полтора литра, как ни верти...), но приходилось терпеть. Гасан-бей и двое при-

ближённных помощников где плетью, где угрозами, а где и посулами кое-как уgomонили зарёванный караван. Солнце поднималось над барханами, и ворота Багдада вот-вот должны были открыться перед путешественниками. О произошедшем несчастье решили молчать, верблюдов наскоро отмыть, остатки одежд «бедного юноши» закопать, а потом во всех мечетях неустанно молить Аллаха, чтобы он забрал его душу к себе в рай. А если она и без того в раю (вкушает щербет с зефиром среди сладострастных гурий), то просить всемогущего и всемогущего отпустить каравану этот грех... Ну, в смысле тот факт, что не уберегли. На Востоке вообще отношение к путнику очень уважительное. Того, кто в пути, всегда накормят, обогреют и не откажут в ночлеге. Говорят, многие мусульманские святые (да что там, порой и сам Мухаммед — великий пророк!) ходят по пыльным дорогам в рубище бродяг и дервишей, проверяя готовность истинных правоверных к соблюдению заповедей Аллаха. Горе тому, кто откажет просящему! Поэтому, как вы понимаете, весь караван Гасан-бея пребывал в поникшем настроении...

Едва бледно-розовое солнце окрасило первыми лучами позолоченные полумесяцы на шпилях мечетей, рёв длинных сторожевых труб оповестил об открытии ворот славного города Багдада! Принарядившийся караван-баши на отдохнувшей лошадке первым подехал к суровым и невыспавшимся стражникам, вручая начальнику караула полотняный мешочек с монетами. Хмурый бородач мрачно кивнул, дважды пересчитывая верблюдов, погонщиков и охрану, дабы никто не проскользнул сверх положенной платы. Гасан-бей был обязан препроводить всех в караван-сарай, где неподкупная таможня щепетильно проверит его людей и товары. Эмир Багдада искоренил воровство везде, где мог. А следовательно, карательные органы не дремали, проверяя и перепроверя всех, у кого могла завалиться лишняя таньга. Какая-то часть изымаемых денег пополняла казну, всё прочее расходилось по карманам умелых чиновников, старательно покрывающих друг друга. Но тут уж, как говорится, Аллах им судья, нас же интересует совершенно другой герой... который, кстати, только что решил одну свою насущную проблему, удачно найдя применение опустевшему кувшину...

ГЛАВА 9

Говорящий правду — теряет дружбу.
Восточная мудрость

Таможенный осмотр в те времена осуществляла городская стража под началом некоего Шехмета. Судя по всему, он и сам был разбойник не из последних, имел собственные казармы, отряд в сорок

душ и творил в Багдаде натуральный рэкет. Однако чем-то глянувшись эмиру, и тот благоволил ему, официально позволяя наводить свои порядки. Взамен Шехмет охотно поставлял правосудию всех воров. Или же тех, кого ему было удобно счесть ворами... Короче, лично мне Лев отзывался об этом типе крайне отрицательно. А тогда, в караван-сараяе, они встретились в первый раз...

Оболенский вылез из тюка с тряпьем абсолютно никем не замеченный, чуть помятый с недосыпу. Кругом суетились люди Шехмета, выделявшиеся зелёными повязками на рукавах. Двое копались в персидских тканях, совсем рядом, и нашему герою не стоило большого труда аккуратно стырить такую же зелёную ленту и для себя. Теперь он был одним из городских стражников... А их непосредственный начальник снисходительно принимал доклад от издёрганного Гасан-бея.

— Итак, уважаемый, ты утверждаешь, что моё вино выпил бесстыжий чёрный дэв из пустыни?

— Воистину так, о благороднейший господин! Вчерашней ночью, при свете полной луны, когда я, наслаждаясь стихами бессмертного Саади, отдыхал у себя в шатре, странный шум привлёк моё внимание. Казалось, в песках пробился ручей и журчит, услаждая слух правоверных. Но стоило мне откинуть полог, как мой взор был помрачён ужасной картиной: весь караван погружён в волшебный сон, а на тюках с товаром сидит чёрный дэв, уродливей которого не видел свет, и пьёт вино!

— Прямо из кувшина? — не поднимая глаз, уточнил глава городской стражи. Господин Шехмет, казалось, был целиком погружён в созерцание собственных перстней на левой руке и занимательный рассказ караван-баши слушал вполуха. Хотя для Льва, например, это повествование казалось очень забавным...

— Да, о благополучнейший! — неизвестно чему обрадовался Гасан-бей. — Прямо из горлышка кувшина, даже без пиалы, клянусь Аллахом! Я закричал ему: «Не смей! Это прекрасное вино предназначено высокородному господину Шехмету, а не тебе, шакал паршивый!» Но он лишь рассмеялся, ругая твою светлость словами, непригодными языком мусульманина... Как сказал поэт: «Вино — твой друг, пока тверёз, а если пьян — то враг! Змеинный яд оно, когда напьёшься, как дурак...»

— После чего ты конечно же схватил свою дамаскую саблю и бросился наказывать злодея?

— Воистину ты мудр, ибо читаешь тайное, словно открытую книгу! Да будет известно могучему Шехмету, что я владею изогнутым дамасским ятаганом, подобно соколу, карающему собственным клювом! Я...

● Посрамитель
шайтана ●

ПРОЛОГ

«Бисмиллях ир-рахман ир-рахим!»

Склонимся с молитвой к престолу Всевышнего и с молитвы же начнём наше повествование. Воистину велик Аллах на небесах, чудны его деяния, велики помыслы и безмерна благодать, изливаемая миру!

Ибо в неизмеримой доброте своей и заботе о праведных душах изгнал он из славного города Багдада бесчестного и непочтительного Ходжу Насреддина, по прозвищу «возмутитель спокойствия», да поглотит шайтан его своим нечистым чревом...

Да не ступит нога наглеца и пройдохи ни на один порог честного мусульманина ни в Бахре, ни в Самарканде, ни в Стамбуле, ни в Коканде, ни в Хорезме, ни в Бухаре...

Ужасны его прегрешения, бездонна пропасть порока, и велика награда за голову бесчинного отступника!

Но первый, кто нашёл этого сына греха, был молодой человек с кожей белой, как снега далёкого Мин-Архара, и глазами голубыми, как купола минаретов Хивы, а имя его звучало, подобно грому барабанов славного Бишкека, — Лев Оболенский!

А о чём, собственно, речь? — спросите вы. Речь о продолжении... Нет, то, что сейчас вы держите в руках продолжение популярного романа о Багдадском воре, было ясно ещё при беглом взгляде на обложку. Дело не в этом. Повторяю, суть в продолжении... Неужели вы не чувствуете затаённую магию самого этого слова — продолжение...

Нечто, что ранее было таким близким и родным и что, казалось, в какой-то момент ушло безвозвратно и не в твоей воле было даже окликнуть его, вдруг... неожиданно... само... обернулось, блеснув белозубой улыбкой... Продолжение! И те же слова, и тот же слог, и загар, и лукавые морщинки у глаз, и неуловимо-томный, пьяняще-дразнящий аромат сказочного Востока... Продолжение! Почти забытый перезвон ножных браслетов, и дикая мелодия бубна, и

красная хна на твоих пальцах, и обволакивающий поцелуй жарких девичьих губ! Продолжение...

Но главное, что на этот раз я сам (представляете, сам!) был всему свидетелем. А ведь как буднично всё начиналось — рядовая командировка москвича в Астрахань, по служебным делам. Ни знамений, ни предсказаний, ни даже тоненького голоска интуитивного предчувствия, мой друг Оболенский просто зашёл ко мне в гости...

— Андрюха, сколько лет, сколько зим!

— Весною виделись, Лев, — сдержанно выдохнул я: наши дружеские объятия всегда напоминают встречу медведя и дрессировщика. В смысле вопроса, кто кого помял, никогда не возникает, он крупнее...

— Слушай, старик, у вас тут классный город, — шумно продолжал Оболенский, пока я накрывал на стол. — Сейчас иду к тебе с остановки, навстречу та-ка-я-а девушка-а-а... Мордашка, фигурка, походка, и... на ней же одежды практически никакой!

— Лето, — пожал я плечами. — На улице почти плюс сорок, чего ты хочешь?

— Нет, но на ней... это... даже белья... практически нет?!

— Стринги, скорее всего, есть, — подумав, успокоил я. — А насчёт бюстгалтера ты прав, этого нет. Кто их в Астрахани летом носит — грудь вскипит...

— У меня тоже всё вскипело, — покаянно кивнул он. — Самому неудобно, в следующий раз я к вам лучше с женой приеду...

— Коран гласит: если мужчина, увидев красивую женщину, испытал вожделение, то он обязан рысью лететь домой, дабы удовлетворить огонь страсти с законной супругой! Посрамив тем самым шайтана и доставив радость Аллаху...

— Аллах велик, — не стал спорить православный потомок князей Оболенских.

Разговор плавно переместился в сторону ирано-персидской поэзии и псевдоэтического спора на тему: имел ли я право в прошлом романе приписать собственное стихотворение бессмертному Омару Хайяму? Которое, кстати, ой как мало кто опознал...

Посидели очень душевно, он ушёл от меня уже ближе к полуночи, благо темнело поздно. На предложение переночевать отказался категорически. Во-первых, у него оплаченный «люкс» в гостинице «Лотос», а во-вторых, он страшно любит гулять по ночным провинциальным городкам, наслаждаясь звёздами, свежим воздухом и романтическими воспоминаниями. А потом, такти у нас по московским меркам просто баснословно дёшево, и если ему наскучит бродить... Короче, он обещал позвонить наутро.

В обед я звонил ему сам. Лёвин мобильник находился «вне зоны

действия сети». В гостинице тоже сказали, что гражданин Оболенский в своём номере не ночевал. Как понимаете, к вечеру я уже был малость на нервах — Лёва пропал...

Ещё через какой-то период метаний и сомнений я втихую попросил совета у своих друзей из милиции. Разумеется, они дружно посоветовали мне не пороть горячку и с вполне понятной долей раздражения (ещё бы, после звонка в час ночи!) подробно рассказали, где и как можно культурно «зависнуть» в нашем благословенном городке так, чтобы отдохнуть душой и телом от московской суеты...

На мои протесты об имеющем место «высоконравственном моральном облике» моего друга они тихо матерились сквозь зубы, ещё раз поясняя, что у командированных летом, без жены, целомудрие атрофируется первым... Однако если уж завтра этот «царь зверей» не объявится, то... звони, поищем по нашим каналам!

Я медленно опустил трубку, с ужасом представляя поиск Льва по четырём речным каналам, проходящим сквозь город. Потом чуть-чуть успокоился, логично предположив, что милиция имела в виду несколько иное... Спал плохо. Но то, что меня ждало утром, было ещё хуже — позвонила Машенька, жена Оболенского. Видите ли, сотовый Лёвушки не отвечает, а ей без родного голоса уже немножко скучно...

— Всё просто замечательно! — надрываясь, врал я. — Ты же знаешь, в нашей глухомани Московская сотовая практически не берёт. А ведь я говорил Льву, переходи на Билайн! Что? А, где он сейчас?! Знаешь... на пляже! Да, вот только ушёл, буквально с полчаса назад... Нет, не переживай, разумеется, я за ним присматриваю. Он у тебя кремень-мужчина, вот вчера, помнится, встретили мы с ним симпатичную такую астраханку, практически без ничего, и... Нет! Нет! Нет, приезжать не надо! Я ж и говорю, это меня она чем-то там заинтересовала, а Лев прошёл мимо, даже не взглянув! Ну а то... честное слово! Скажу... непременно, всё ему скажу... Что-то ещё передать? Поцелуй... а он правильно поймёт?!

Повесив трубку, я добрых десять минут тупо рассматривал в зеркале красную физиономию прожжённого лжеца. Зрелище настроения не прибавляло...

А тут ещё раздался стук в дверь. Я поплёлся в прихожую, посмотрел в глазок и понял, что открывать не надо — на площадке, у лифта, стоял здоровенный загорелый бомж в рваном халате, грязной чалме и остроносых тапках на босу ногу. Сейчас их у нас много собирается, то ли узбекские цыгане, то ли казахские турки, то ли... Стук повторился, уверенно и настойчиво.

— Меня нет дома! — как можно суровее рявкнул я.

— Открывай, витиеватый шайтан тебе сзади в джинсы! — царст-

венно раздалось из-за двери. — Андрюха, не томи, Аллах не простит, и я обижусь!

Когда мой друг Лев Оболенский ввалился в квартиру, я не знал, с чем к нему броситься — с объятиями или кулаками?

— Без комментариев. Все вопросы после ванной. На мне уже блохи со вшами в чехарду играют, хочешь, поделюсь? Тогда пусть совершит омовение...

— Стиральная машина ждёт-с, залезай, — гостеприимно предложил я.

Полчаса спустя чисто вымытый, побритый, исхудавший, но довольный Лев в моём махровом халате, трещащем у него на плечах, вышел из ванной комнаты. Первое, что он сделал, — это попросил меня сию же минуту взять ручку и тетрадь. Можно подумать, я и сам не догадался бы...

— Записывай, быстро, пока помню, — сел на кухонный табурет, встал, заглянул в холодильник, вытащил початую бутылку аргентинского «Tosso», снова сел и продолжил: — Непроверенный хадис! В смысле откровение от Аллаха, но ещё не утверждённое ни одним учёным суфием. Звучит так: «И не фиг шляться ночью по незнакомому городу, когда шайтан, не дремлющий даже днём, с заходом солнца вообще бодрствует напропалую!» Успел? Тогда давай пиалы и штопор.

— Пиал в доме нет, обойдётся хрустальными фужерами.

— Пиал нет, кумганов нет, хорезмских ковров нет, кокандских блюд для самаркандского плова тоже небось нет?! Андрей, ты же великий, блин, писатель, а живёшь, как... — Оболенский перехватил мой взгляд на казачью шашку в углу и, вздохнув, закончил: — Ладно, согласен на остатки оливье и холодный борщ в кастрюльке. Твой обед — мой рассказ, идёт?

— Уговорил. — Я выставил на стол два фужера, Лев церемонно наполнил их рубиновым вином.

— За то, чтобы впредь ни к кому из нас, нигде никогда не подходил пьяный джинн с нетрезвым предложением: «Пойдём, дорогой, без тебя в Багдаде такая скука...»

Я едва не поперхнулся! Багдад?! Это что же, выходит, он снова был на...

— Нет, — спокойно ответил мой друг. — Если честно, то сначала это был Коканд. Что я пережил, мама родная... И всё из-за этого Ходжи Насреддина, карданный вал ему в заднюю дверцу! А ведь я уже практически стал честным человеком...

ГЛАВА 1

По возвращении всегда скапливается столько дел — обнять сына, погладить собаку, пожурить жену, пострелять её гостей... Ничего не перепутать!

Одиссей с Итаки

Получалось, что лично он, Лев Оболенский, ничего предосудительного не совершал. В ту памятную ночь он ушёл от меня спокойный и счастливый, действительно намереваясь совершить размеренный подлунный променад и не более...

Летние звёзды в Астрахани висят низко и кажутся тонко выкованными, скорее из белого золота, чем из северного серебра. Они столь чисты, что подобны хрусталию — приглядевшись, можно через одну большую разглядеть тысячу маленьких. Их блистающая россыпь на Млечном Пути не ощущается острой, она лишь щекочет босые пятки ангелов...

Мой друг так увлёкся, что почти не смотрел себе под ноги, а в результате за каким-то поворотом грудью врезался в группу нетрезвых азиатов. Это были обычные узбекские разнорабочие, гастролирующие без документов почти на всех строительных площадках нашей великой страны. Работают за копейки, стараются, как могут, по-русски говорят из рук вон плохо, да и пьяными бывают крайне редко. Но в этот раз были...

— Ай, шайтан! — злобно ощерились двое самых пострадавших, вылезая из придорожных кустов. Трое удержались на ногах...

— Уф, мужики, — добродушно пожал плечами Лев. — Ну, приздумался, виноват, с кем не бывает...

— Зыдес людъи ходят, э?! Карим, съкажи... Иде Карим?!

— Вай дод... — вместе со всеми выдохнул наш герой, когда понял, что шестой узбек от столкновения с ним рухнул в неплотно прикрытый канализационный люк. Он даже первым полез его вытаскивать и, помнится, был жутко поражён, что у извлечённого (но дурно пахнувшего) бедолаги оказалось безумно знакомое лицо...

— Бабудай-Ага?!

— Ага, конечно! — в тон откликнулся мокрый гастарбайтер, ни капли не коверкая русский язык. — Слушай, ну нигде от тебя покою нет, раз собрались по-человечески выпить с друзьями и... нате вам — поборник нравственных устоев припёрся! А ведь за тобой ещё с прошлого раза ящик пива числится...

— Бабудай-Ага! — не веря своим глазам, возопил Оболенский, едва ли не бросаясь азиату на шею. — Какими судьбами, старина?

А как там дедушка Хайям, а Ходжа, а Рабинович, а все наши?! Да я тебе не один ящик поставлю, только Расскажи...

— Вах, — отмахнулся тот, кого другие называли Каримом, и тоже дружески приобнял Льва. — Что зря рассказывать буду, от слов больше ветра, чем дел... Сам иди посмотри. А то очень скучно без тебя в Коканде... и в Бухаре, и в Хорезме... без тебя, Лёва-джан, такая скука! Пойдём, дорогой...

Вот тогда потомок древнего дворянского рода, бывший зампрокурора, отец семейства, верный муж и законопослушный российский гражданин впервые испытал удар звезды в лоб! Или по лбу, но это скорее скользящее попадание, а ему досталось именно в лоб! Он хлопнулся навзничь, гулко ударившись затылком и лишь на секунду зажмурил глаза от невыносимой боли. Лев открыл их спустя вечность от бьющего в лицо восточного солнца!..

Далее был крик... Приводить его в полной звуковой гамме нет смысла, достаточно того, что разморённый полуденной жарой Коканд вздрогнул. Под перепуганным стражником встала на дыбы гнедая лошадь, какая-то женщина в чадре уронила кувшин с головы, уличные мальчишки испуганно прыснули по подворотням, и даже мулла из ближайшей мечети точно запомнил час, когда он услышал «крик шайтана, на чей хвост наехало колесо колесницы святого Хызра», ибо человек так орать не может...

Оболенский сел и протёр глаза. Он находился в самом центре небольшой утрамбованной площади, судя по всему, гончарного квартала незнакомого восточного города. Неподалёку высилась украшенная резным кирпичом мечеть. По площади сновал народ. Люди, на мгновение сражённые Лёвиным криком, вновь возвращались к своим делам. Хотя два наиболее любопытных бедняка всё же подошли поближе:

— Да защитит тебя Аллах, почтеннейший чужеземец. Не ты ли издал этот ужасающий рёв, подобный рёву бесчестного иблиса, оплёванного верблюдом праведного мусульманина?

— Айм нот дуо спик узбекстэн... — привычно начал наш герой, но вовремя опомнился. — Хотя нет... какого фига! Я прекрасно говорю по-узбекски, мать вашу!

— Видно, ты великий мудрец, о чужеземец, знающий разные языки и почитающий наших мам. — Оболенскому услужливо помогли подняться. — Скажи, зачем ты сидел на земле? Зачем так кричал? У тебя большое горе, кто-то умер?

— Я сам... в фигуральном смысле, — поправил Лев, видя, как вытянулись лица заботливых горожан. — Просто этот зараза джинн (чтоб ему сдохнуть без опохмелки!) забрал меня из моего мира и перенёс в ваш. А кто его прорисовал, спрашивается?! Это в прошлый раз я

был головой об асфальт с налёту ушибленный, сразу кома, лазарет, пробирки-капельницы-клизмы... Но сейчас-то я всё помню!

— Ты... долго стоял на солнце с непокрытой головой? — после секундного замешательства угадал один.

— Да нет же!

— Вай, он сказал «да» или «нет»? — удивился второй. К их экспрессивному разговору начали прислушиваться, любопытный народ, отложив повседневные дела, спешил посмотреть на чудно одетого чужестранца, говорящего странные вещи.

— Я имел в виду, что уже был здесь! Ну, на Востоке... В частности, в Багдаде. А это вроде другой городишко?

— Это благословенный Коканд, город ковров и пряностей!

— Н-да, название подходящее и запах чувствуется, только не уверяйте меня, что корица пахнет сероводородом... Так вот, меня в Багдад дедушка затащил с помощью джинна. Он вообще любитель залить за воротник пиалку-другую кой-чего покрепче простокваши... Дед в смысле! Да, и звали его... звали его... Аллах Акбар! Нет, Хвала Хайям... нет, вот ведь вертится на языке... рак, краб, лобстер... Лобстер Хайям! Опять не то, но вроде...

— Хайям Омар? — тихо предположил кто-то.

— Точно! — восторженно взревел Оболенский. — Хайям Омар — это мой якобы дедушка! Тот самый, который написал:

Лаской девичьих губ и волшебной травой
Буду я наслаждаться, покуда живой.
Пил вино, пью вино, ну а если позволят,
Выпью с радостью и за доской гробовой.

— Вай дод, он читает такие вещи вслух, — испуганно начал озираться народ. — Воистину, кто бы посмел, кроме сумасшедшего...

— И ещё там был такой Ходжа Насреддин, домулло называется, так с ним мы вообще корифаны не разлей кумыс... А чего это все разом припухли?

Он не сразу обратил внимание, как быстро вокруг его величественной особы образовалось пустое пространство. Из-за спин простого люда показались длинные копыя стражи; раздвигая толпу грудью коня, вперёд выдвинулся крючконосый всадник в богатой одежде...

— Кто произнёс имя проклятого Аллахом и всеми честными мусульманами возмутителя спокойствия, безбожника и проходимца Ходжи Насреддина, да иссохнут его внутренности, подобно листьям бесплодного карагача в засушливую пору?!

— Это вы про Ходжулу, что ль? — окончательно затягивая пет-

лю на своей же шее, уточнил Лев. — Ну, не такой уж он и гад, больше прикидывается...

Шестеро стражников с суровыми лицами в мгновение ока взяли незадачливого россиянина в кольцо. Несколько секунд, прикрыв глаза от жгучего стыда, Оболенский искренне поражался глубине собственной глупости. Таким беспросветным идиотом он не ощущал себя ещё никогда... После чего, низко опустив кудрявую голову, бывшая гроза Багдада позволил с почётом сопроводить себя в сторону возвышающейся над низкими домишками голубой громады султанского дворца. То есть день не задался с самого начала...

Крючконосый всадник оказался главой кокандских стражников и носил звучное имя Аслан-бей. От достойного господина Шехмета, главы багдадской стражи, он отличался разве что более мелким ростом и нравом ярого служаки. И происходил из богатой семьи, впитав вкус к использованию плети уже с младенчества, так что печать порока давно отложила след на его холёном лице...

Сам Коканд превосходил Багдад не столько размерами, сколько степенью куда большей угнетённости местных жителей. Если Селим ибн Гарун аль-Рашид, да сохранит Аллах память о нём для благодарных потомков, карал сурово только за воровство, султан Коканда был столь же суров во всём! Уже на подходе к его дворцу побледневшему Оболенскому продемонстрировали врытые в землю колья — на них по субботам сажали ослушников. А у самых ворот, в пыли, сидели на корточках скованные железом люди — они ждали «скорого и праведного суда»...

Лев не был связан, но прекрасно понимал, что в одиночку он не управится с шестью опытными стражниками, а при первой же попытке прыгнуть в проулочек и сбежать уверенно получит длинную стрелу в спину. Но самое худшее — это то, что у него неожиданно жутко зачесались пальцы! Причём не от страха и не просто так, он слишком хорошо помнил это покалывающее ощущение — надо срочно что-нибудь украсть! Хотя что-нибудь... Но рядом была только стража, хотя... почему бы и нет?

ГЛАВА 2

В наше время никому нельзя верить. Особенно всяким писателям...

Барон Мюнхаузен

Когда я записывал всё это, у меня не было ни малейшего сомнения в искренности Льва. Не то чтобы его кристальная честность давно и повсеместно вошла в поговорку, но, с другой стороны, он

никогда и не врал без причины. А, уж согласитесь, нормальному мужчине, даже с самым средним уровнем фантазии, всегда есть что придумать в своё оправдание за недолгое отсутствие неизвестно где... Тем паче врать о Востоке!

Да будь в его рассказах хоть один-разъединственный ляп — меня и Оболенского давным-давно заслуженно посрамили бы суровые и неподкупные критики. Поэтому я не перебивал его, не лез с глупыми комментариями, а лишь иногда изредка задавал уточняющие вопросы типа: «А ты сам-то в это веришь?!» Пару раз Лев даже обижался, цветисто посылая меня в самое тёмное место у шайтана под хвостом...

Султан благословенного города Коканда носил достославное имя Муслим аль-Люли Сулейман ибн Доде! По крайней мере, один большущий плюс у него в его системе законоисполнения был: задержанного Оболенского не стали томить в тюрьме, засовывая в вонючую яму-зиндан, а сразу же, без малейших проволочек, направили пред сияющие очи правоверного защитника и властителя всех законопослушных мусульман. То есть нашего российского гражданина приняли к судопроизводству без проволочек. В иной ситуации Лев как бывший юрист, несомненно, оценил бы это, но не сейчас...

А сейчас его втолкнули в небольшой, но очень изысканный сад под открытым небом, с павлинами, пальмами и традиционным мраморным фонтанчиком прямо посреди дворцового комплекса. Навстречу страже вышел суетливый мужчина в дорогом халате и островерхой чалме, явно советник или какой-нибудь зам. Он о чём-то быстро переговорил с Аслан-беем, внимательно посмотрел на Оболенского, неодобрительно поцокал языком и ушёл.

— Припекает... — ни к кому особенно не обращаясь, буркнул наш герой.

— Ты можешь сесть, нечестивый пёс, — милостиво кивнул глава городских стражников. — Султан скоро выйдет, и если ты не тот, за кого себя выдаёшь, сегодня же вечером тебе придётся молить о смерти шестерых палачей, заживо сдирающих с тебя кожу!

— За что?! Я мирный турист, ничего не делал, никого не трогал, я требую российского консула, и у меня в паспорте штамп дипломатической неприкосновенности!

— Ты лжёшь, как дышишь. — Так презрительно и верно Льва не ставили на место ещё никогда. На мгновение кровь бросилась ему в лицо, он вспылал мстостью и жутко пожалел, что в тот памятный вечер вышел на улицу без пулемёта. Танк тоже мог бы пригодиться, или крейсер, или...

— Если бы не планы нашего пресветлого султана, да продлит Ал-

лах годы его правления вечно, ты бы уже издыхал на площади, извиваясь на деревянном колу, пронзившем твою смрадную задницу!

— Вай мэ, ей ни за что не сравниться смрадом с твоим дыханием, почтенный Аслан-бей, — вежливо ответил кто-то, прежде чем горячий русский дворянин успел сам постоять за свою попранную честь. В смысле встать-то он встал и даже протянул руку к маленькому дастархану, явно намереваясь использовать резной столик не по прямому назначению, но стража не дремала. Миг — и три оперённые стрелы с чёрными, как клювы ворон, наконечниками уставились ему в лицо... Именно в этот роковой момент меж ним и стражей спокойно встал невысокий, но очень толстый человек.

— Господин новый визирь, — скрипнул зубом Аслан-бей.

— Господин главный визирь, — мягко поправил его толстяк. — Если наш великий султан, да избавят его небеса от перхоти в бороде, соблаговолил дать мне, ничтожнейшему, столь высокую должность, то уж наверняка он сделал это от своего ба-альшого ума! Или у кого-то есть тень сомнений в божественном разуме нашего правителя?!

— Аллах да покарает этого нечестивца. — Поклонившийся глава стражи сдал позицию.

Удовлетворённо кивнув, главный визирь соизволил наконец повернуться и к Оболенскому. Цепкие узкие глазки глянули в его сторону всего один раз. Толстяк поправил пышно завитую колечками бороду и безапелляционно заявил:

— Лицо этого негодяя отмечено печатью порока, он, конечно, пройдоха и лжец, но вряд ли тот самый человек, о поимке которого вы, о поспешливый, оповестили весь Коканд...

— Он сам признался!..

— Вай мэ, кто не знает, как легко наша доблестная стража пишет самые искренние признания кизилковыми палками на пятках несдержанных в речи мусульман...

Аслан-бей пошёл пятнами, казалось, ещё мгновение, и он бросится на главного визиря с кулаками, тем паче что пузан явно на это нарывался... Однако, вопреки чаяниям, глава блюстителей правопорядка неожиданно бросился к нашему бедолаге, схватил его за воротник и отвесил две хлёсткие пощёчины:

— А ну, говори, сын шакала, говори своё имя! Главный визирь хочет сам, своими ушами услышать, как тебя называли в Багдаде... Святой Хызр? Алишер Навои?! Или, может быть, сам великий Ибн Сина?! Скажи нам своё истинное имя, имя, имя!!!

Толстяк беспомощно прикрыл глаза, словно бы «умывая руки», хотя откуда он-то мог знать, что сейчас произойдёт... А произошло следующее: могучая лапа Льва поймала холёную ладонь господина

Аслан-бея на третьем взмахе, сжав её так, что раздался хруст костей! После чего, перехватив второй рукой пояс онемевшего от ужаса кокандца, он нежно поднял его над головой и, не целясь, запустил в стражников с луками. Четверо человек дружно рухнули в фонтан! И только после этого неожиданно тихо, внятно, чётко выделяя каждое слово, он ответил:

— Меня зовут Лев Оболенский...

За его спиной раздалась одобрительные аплодисменты.

— Воистину этот человек храбр, силен и глуп, но пусть воины не опускают луки... — капризным, даже чуточку женским голоском объявил великий султан Коканда, выступая на сцену.

Главный визирь изобразил самый низкий поклон, бултыхающиеся в фонтане стражники тоже попытались принять соответствующие этикету позы, но у них это вышло смешнее... Сам же Лев, опустив глаза, с удивлением уставился на низкорослого худощего коротышку с отвисшим пузцом и тоненькими ногами. Плюс к вышперечисленным достоинствам Муслим аль-Люли Сулейман ибн Доде обладал неровной кустистой бородёнкой, красным прыщавым носом и замашками изошрённого садиста. Однако мозги он, видимо, имел хоть какие-то...

— Мой главный визирь, Хасан аль-Хабиб ибн Бибиц, и мой бесстрашный Аслан-бей, мы застали вас обоих в момент спора об этом ничтожном чужестранце. Да, его внешность подходит под описание великого Багдадского вора, доставленное нашими соглядатаями. К тому же он сам откликается на это шайтаноподобное имя... Всем ли известно, как в нашем благословенном Коканде карают воров, лжецов и ослушников? Итак, скажи нам, о сын греха, ты ли тот самый Багдадский вор, у нас есть на тебя виды...

— Нет, — подумав, соврал Лев. — Я случайный прохожий, здесь проездом, готов извиниться перед вашими фараонами, но так как сам ничего противоправного не делал, то...

— Он сказал «нет»... — скучно покачал головой султан. — Что ж, тогда нам надлежит просто отрубить ему голову за бунт, непочтение и нанесение побоев нашей возлюбленной страже!..

У Оболенского подкосились колени. Злобное лицо Аслан-бея, тайком выжимающего чалму, озарилось счастливой улыбкой. Муслим аль-Люли бодро развернулся, считая вопрос решённым, но Хасан аль-Хабиб ибн Бибиц не вовремя подал голос:

— О светлейший среди светил, о светоч мудрости среди наимудрейших, если ты позволишь мне, своему ничтожному рабу, сказать слово, я докажу, что именно этот человек и есть Багдадский вор!

ГЛАВА 3

Ваших друзей да в наш бы музей...

Реклама Кулсткамеры

Главный визирь поправил завитую бороду, ещё раз поклонился, дождавшись милостивейшего кивка кокандского султана, и, подтянув необъятное брюхо, бодро взялся за дело. Он пристально осмотрел нашего героя, дважды или трижды обошёл его по кругу и вдруг резким уверенным движением запустил руку Льву в карман длинных летних шорт — на свет божий явились два кошелька, кусочек недоеденного чурека, потёртые игральные кости, три китайские монетки с дырками посередине, один шёлковый платочек с буквами «О+Д» арабской вязью, золотая цепочка с полумесяцем и амулет в виде сухой кроличьей лапки...

— О шайтан, это же наше! — в голос возопили честные стражники, узнав собственное имущество.

Голстяк победно воздел указательный палец вверх:

— Проницательный взор нашего сиятельного султана легко и сразу опознал этого бесчестного наглеца, ибо никому не дано бросить даже тень обмана на солнцеподобное чело блистающего разумом нашего повелителя! Вот медноголовый Аслан-бей, например, ни о чём не догадался...

— Что?! Да я первый его поймал! Я сразу узнал, что он и есть тот самый вор! Я первый...

— Вай мэ, — укоризненно поцокал языком визирь. — Кто это смеет в присутствии самого султана верблюдоподобно кричать: «Я — первый...»?!

Глава стражи успешно прикусил язык. Муслим аль-Люли Сулейман ибн Доде нахмурил бровки, похоже, он действительно не любил делиться пальмой первенства.

Султан сурово поманил пальчиком Льва:

— Мы узнали тебя! Легенды о неуловимом Багдадском воре, голубоглазом, высоком и светлокудром, ограбившем дворец Селима ибн Гаруна аль-Рашида и опозорившем многих достойных жителей, достигли нашего слуха. Признаёшь ли ты эти ужасные преступления?

— Бред какой-то... — Оболенский старательно постучал себе кулаком по лбу, словно надеясь, что всё происходящее окажется горячечным сном и развеется на рассвете. — Отвали, пингвин в будёновке, ничего такого я не делал...

— Как он нас назвал?

— О кладезь мудрости, — тут же подкатился едва не поперхнув-

шийся Хасан аль-Хабиб ибн Бибиб. — Пингвин — это чудесная птица дальнего Севера, отличающаяся редким умом, неизбывной красотой и божественным голосом. А будёновка... это... это...

— Очень симпатичная революционная тибетейка красноармейских джигитов, с ушками и звездой, — уже срываясь, добил наш герой. — Нет, ну серьёзно, что вам всем от меня надо?!

— Мы желаем, чтобы ты крал для нас! — топнув ножкой, взвыл султан.

На мгновение повисла нехорошая тишина (присели все!) — на изысканно утончённом Востоке подобные заявления открыто не делаются. Стражники распахнули рты, визирь начал что-то насвистывать, а Оболенский со скрипом прочистил указательным пальцем ухо. Видимо, и сам властитель понял, что сболтнул лишнее...

— Мы утомились пустыми разговорами и изволим вкусить сон в нашей опочивальне. Пусть этому недостойному глупцу объяснят, в чём его истинный долг как правоверного мусульманина и верного подданного... — Муслим аль-Люли строго зыркнул на каждого участника, зачем-то похлопал кулаком по брюху главного визиря и поманил за собой Аслан-бея. — Ты пойдёшь с нами, нам угодно кое-что сказать тебе наедине...

Все, за исключением Льва, склонились в почтительном поклоне. Дождавшись, пока султан и глава стражи уйдут, визирь поманил лучников и самолично отконвоировал задержанного в какое-то подвальное помещение. Причём, что удивительно, не в тюрьму! Этакая уютенькая комнатка, вся в коврах, с широкой кроватью, заваленной шёлковыми подушками, медным тазом, кумганом с водой и выдержками из Корана на стенах.. Окон, впрочем, не было, то есть благоустроенная, но камера... Запустив пленника внутрь, толстый визирь самолично припёр спиной дверь, снял надоевшую бороду и тихо произнёс:

— Ну, здравствуй, Лёва-джан...

Вместо ответа Оболенский от души дал Насреддину по морде!

...Вот здесь я впервые и задал, как мне казалось, вполне логичный вопрос, полный нескрываемой укоризны:

— С чего это тебе взбрело в голову заняться рукоприкладством?! Ведь Ходжа — твой друг и он...

— Именно! Именно потому, что он — мой друг, он и способствовал тому, что меня вновь загнали на этот грязный, вонючий, тёмный, страшный, нецивилизованный Восток! По морде я ему дал... заслуженно! Должен же я был хоть кому-нибудь дать в табло от полноты чувств?! Меня второй раз туда отправляют, даже не спросив, вежливости ради!

— Лев, не ори...

— Буду орать! В первый раз ладно... прощаю... Был не в себе, башкой об асфальт стукнутый, уши в лапше, весь из себя сплошной мусульманин (прости, Господи Иисусе Христе, мя грешнаго!..), воруя направо-налево, по гаремам культурно отмечаюсь, но ведь не от дурного воспитания, тут я чист, аки дитя неразумное! А во второй раз что?.. Я, между прочим, уже всё-всё понимал! Как последний идиот — в джинсовых шортах, новых сабо, футболочка фирменная, мобильник, часы приличные... были. И вот со всем этим — нате вам, Багдадский вор вернулся! А Ходжа знал, не мог не знать, уж он-то всегда всё знает! Фольклорный персонаж, блин, герой легенд и анекдотов... И что, ты думаешь, он после всего этого сделал?!

— Что? — осторожно уточнил я.

— Дал мне сдачи!!!

...Самое смешное, что обалдевший Лев воспринял это, в общем-то, абсолютно адекватное действие как акт самой чёрной неблагодарности. А посему добавил домулло ещё и по уху слева, чисто в воспитательных целях. В ответ получил незамедлительный пинок под коленку и рассердился уже всерьёз...

Добрых десять минут заклятые друзья тузили друг друга самым недружественным образом! Оболенский был выше и сильнее, но Ходжа оказался более шустрым, к тому же подушка на животе успешно гасила ряд прямых ударов, не позволяя провести достойный апперкот. Кстати же, сам Лев первым и прекратил бессмысленную потасовку, выбросив флаг перемирия...

— Всё, брэк! Один-один, а дерётся ты всё равно по-девчачьи...

— В уличной драке главное — результат, — отдышавшись, прошепел Насреддин. — Аллах позволяет причинить обидчику равноценное зло.

— Вот так и дал бы мне в зубы, а то лягаешься, как мой Рабинович...

— Во-первых, он мой! Во-вторых, о невнимательный в познании мудрости, «равноценное зло» вовсе не значит «то же самое». Если какая-то собака укусит тебя за ногу, не будешь же ты ловить её с целью укусить туда же?! Хотя, клянусь святым Хызром, с тебя станется...

Они покосились друг на друга, потом улыбнулись и крепко обнялись.

— Ну, наконец-то, Ходжуля...

— Я скучал, Лёва-джан...

— Я тоже, и к вопросу о скуке... Это не ты надоумил одного нашего знакомого джинна?

ГЛАВА 4

«Энергетическая клизма»? Засуньте её себе знаете куда...

Академик Норбеков

В общем, им не дали особенно наболтаться по душам. Вышкоченные восточные стражники, даже слыша явно подозрительный шум, не дерзнули бы войти внутрь без прямого приказа визиря. Однако, когда всё стихло, им взбрело в голову поинтересоваться: кто же всё-таки победил? То есть нет ни малейших сомнений, что болели они за своего, но пронизательный взгляд высунувшегося Ходжи мгновенно определил, кто, сколько и на кого поставил и почему выиграл...

— Охраняйте этого человека как зеницу ока! — строго, но чуть гнусавя, наказал он, прижимая к разбитому носу парчовый рукав. — Ибо султан наш, да сохранит Аллах его незабываемый ум в том же непоколебимом состоянии, как и было ранее от младых ногтей, имеет большие планы на этого грешника, при одном имени которого даже сам шайтан стыдливо прячет лицо своё между колен своих...

— Вай дод, как ему, наверное, неудобно, — сочувственно покивали представители кокандского спецназа, задвигая засов на дверях. А Лев Оболенский, плюхнувшись задом на мягкие подушки, погрузился в светлые воспоминания о славном Востоке! И ведь ему было что вспомнить, согласитесь, а?!

О бездонное небо Багдада, высокое и глубокое, словно взгляд голубых глаз Аллаха... О хрустальный смех смуглолицей Джамили, подобный звону весенней капли, перемешанному с шёпотом горного ручья, столь же чистым, сколь и мелодичным... О стихи старого Хайяма, его узловатые руки, пахнущие пылью пустыни и едва уловимым ароматом страниц зачитанного Корана...

— Блин горелый, что ж я о дедушке-то ничего не спросил?! Он ведь вроде не кисло там устроился, при дворе Гаруна аль-Рашида, премьером или советником по вопросам философического стихосложения после литра подшофе...

Сам Аллах запретил пить хмельное вино
Неумелым, неумным, и очень давно.
Но не мудрым мужам, чьи года — это радость.
Вместе с ними Всевышний вкушает вино.

В этом весь дед — ни дня без рюмки, а по молодости ещё и ни од-

ной чадры мимо не пропускал... Вот у кого надо учиться умению ставить главные приоритеты в жизни!

За дверью раздался сдержанный гул, лязгнул отодвигаемый засов, и в подземелье к нашему герою торжественно шагнул глава городской стражи Коканда. Он искренне старался выглядеть как можно более величественно и грозно, что было трудно. Ибо далеко не каждый восточный мужчина, десять минут назад мокнувший в фонтане, способен производить устрашающее впечатление...

— Слушай, ты... шайтан неверный!

— Не-а, я верный шайтан, — вальяжно растянувшись на невысокой кровати, мурлыкнул Лев. — Чем обязан, достопочтенный сэр?

— Как ты смеешь, презренный шакал?! — взвился было отважный Аслан-бей, хватаясь за парадный ятаган, но огромным усилием воли совладал с собой. — Великий султан, да благословит его Аллах долгими годами и бесчисленным потомством, вознамерился поручить тебе одно щепетильное дело... Он верит, будто бы бесчестный Багдадский вор способен доставить к его стопам то, чего не смогла его же преданная стража?! Да я клянусь бородой пророка, что если ты только посмеешь...

За дверью раздался явственный стук каблучков. Начальник стражи тихо ойкнул и без предупреждения ужом ввинтился под кровать пленника. Невозмутимый Лев отреагировал на этот вопиющий поступок чуть удивлённым изгибом левой брови, не более...

В его благоустроенную камеру вошла очень толстая женщина в богатейшей струящейся парче, с плотно укутанным вуалью лицом. Опытным глазом «экспроприатора» Оболенский заметил, что украшений на ней вполне хватило бы на открытие собственного ювелирного бутика...

— Ты ли тот человек, которого называют Багдадским вором, о бесстыжий червь, смеющийся возлежать перед самой главной женой нашего всеильного султана?!

— Не-а, по сути, я очень стыдлив, и если вам неудобно разговаривать со мной стоя — ложитесь, я охотно подвинусь...

Женщина, словно выплывшая Муму, начала лихорадочно хватать ртом воздух и даже, кажется, заметно увеличилась в размерах...

— Как ты... смеешь так... да я... одного моего... тебя тут же...

— Да, вот такой уж я несносный хам, что смею, то и жму, но большинству девушек это нравится, — пунктуально отвечая на все невысказанные вопросы, продолжал наш герой. — Однако, пока вы, как самая весомая жена вашего султана, не повелели мужу сотво-

рить со мной нечто противоестественное, может, скажете уже, зачем пришли, а?

— Затем, чтобы сказать тебе, что если только ты исполнишь повеление моего горячо любимого (да сохранит его Аллах и помилует!) мужа, то твоя смерть будет самой долгой, самой ужасной, самой мучительной и...

— И так далее, в соответствии с вашим кротким нравом и бесконечной добротой?

— О исчадие гиены и скорпиона, чтоб шайтан этой же ночью обгрыз тебе все ногти... — злобно зашипела женщина, но в этот момент знакомый фальцет самого Муслима аль-Люли Сулеймана ибн Доде раздался за гостеприимными дверями. Лев величаво указал даме пальчиком на «под кровать!», и главная жена султана, разом сдувшись, умудрилась-таки туда влезть. Невнятный всхлип, короткая потасовка, облачко пыли, вылетевшее снизу, кровать пару раз дёрнулась и тактично замерла...

В двери вошло главное действующее лицо правительства славного Коканда. Султан огляделся, закрыл за собой дверь и уже открыл было рот, как догадливый Оболенский предупреждающе вскинул руку:

— Ша! Хватит, наслушался! Всё, что вы тут намерены сообщить мне о моей гнилой сущности, я уже знаю, запомнил, осознал, выписал золотой арабской вязью на чёрных скрижалях беспросветного мрака моей преступной души, так?! Теперь, ради бороды святого Хызра с колесницей, чётко и целенаправленно — ЧЕГО НАДО?

Добрых пять минут с очень длинным хвостиком султан молчал, пыжась от сомнений. Его буквально на глазах раздирали два безумных противоречия — с одной стороны, жгучее желание немедленно казнить наглеца в соответствии со всеми наворотами шариата, а с другой, этот несносный злодей был ему для чего-то очень-очень нужен! Лев намеренно сделал предельно скучное лицо и даже зевнул, хотя вставать и не собирался...

— Ты должен украсть для меня самую достойнейшую из жён, прекрасную пери Востока, красотой превосходящую всех райских гурий, с телом совершенным, словно её лепили руки Аллаха, и душой чистой, как слеза пророка! Понял ли ты, несчастный?!

— Угу, уже конспектирую. Осталось выяснить кличку и среду обитания этого подвида розового фламинго...

— О, её божественное имя, — не замечая иронии, продолжал султан, — подобно музыке флейты и свирели — Ирида аль-Дюбина!

• Верните вора! •

ПРОЛОГ

«Алла-а-а! Бисмиллях ир-рахман ир-рахим!»

Обратимся с молитвой к престолу Всевышнего, Создателя миров, Всемилостивейшего и Милосерднейшего! Ибо в свете бесконечной мудрости своей призвал он на борьбу с пороком великого чёрного шейха Абдрахима Хайям-Кара, и заточил гневом его меч, и вознёс над его головой зелёное знамя истинной веры! Дабы содрогнулись пред гневным лицом его послушники шариата, опомнились нарушители заповедей, устыдились враги верующих и возрадовались сердца истинных праведников. Воистину, нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его! Нет веры, кроме ислама, и шейх Хайям-Кар — щит её! И падали в пыль города, и смирялись гордые, и покорялись сильные, и вздрагивала земля от Басры до Хорезма под грозным копытом его боевого коня! Новый мир воцарялся в мире, но лишь один грешник не склонил головы. Сам шайтан спустил его с цепи смущать умы праведных мусульман, и имя этого безумца — Лев Оболенский!

— Алла-а! Бисмиллях ир-рахман!

Откуда это? Почему я это помню? Какие неведомые отзвуки в моей душе, душе православного казака, вызывает высокий голос муэдзина, ежедневно поющего с далёкого минарета, гортанно и раздолжно, на всю степь, на всю пустыню, на всё небо, на весь свет...

И мир внимает священным словам «Аллах акбар!». Не тому страшному, доставшему всех, безумному кличу террористов, убивающих женщин и детей, а — исходному, чистому, незапятнанному смыслу этих слов: «Господь велик! Воистину велик! Мы все лишь неразумные дети его, и наша жизнь подобна песчинке в часах Вечности». А много ли песчинок мы можем узнать в лицо, пересыпая песок сквозь пальцы на берегах могучей Волги, священной реки Ра, связующей Египет и Россию, или самого сиятельного Нила, отражённого в Млечном Пути...

Но о чём мы? А-а-а... Я не видел Оболенского два года. Мы поругались. Вернее, он. То есть я. Нет, опять не так, это я вновь ищу до-

стойного оправдания в ссоре с другом и пытаюсь возложить вину на него, а не на себя, хотя всему виной моя гордыня. Я обиделся на него, каюсь. Но Лев первый повёл себя нечестным образом! Он позвонил мне в Астрахань и прямолинейно, в своей манере заявил:

— Слушай, Андрюха! Первый роман, который ты обо мне написал, был похож на большой анекдот. А вот второй не понравился нашей секретарше. Чё за фигня?!

— То есть сам ты не читал «Посрамителя шайтана»?!

— Не-э... некогда было. Но она же сказала, что ей не понравилось, значит...

Я повесил трубку. Да пошёл он! Вместе со своей секретаршей-литературоведкой, если её вкусу он доверяет больше, чем своему! И вообще, с творческими людьми нельзя так разговаривать, у нас ранимые души, нам легко сделать больно...

Короче, с тех пор мы не общались. Общие московские друзья говорили, что Лев собирался посетить Прагу, где я бываю едва ли не ежегодно, но мне оно было глубоко до неоновой лампочки. Ну как он мог так со мной — не прочёл книгу, не составил своё мнение, не спросил у автора, в конце концов, а поверил какой-то очередной грудастой блондилоидке в мини-юбке?!

Моему глупому гневу не было разумного объяснения, хотя в такой ситуации достаточно было лишь перекипеть пару дней, а потом созвониться. Но ни он, ни я вовремя не сделали первого шага. А потом... потом было поздно и бессмысленно, пёстрый вагончик жизни уже шёл по другой трамвайной линии. Ну да неважно, проблема не в этом. А в том, что чёрт-те сколько времени спустя, без малейшего предупреждения, в мою дверь постучали.

Я был дома один, мои домашние на праздники уехали к родным. Тишина, покой, «Спящий купол» в чайнике, чёрный шоколад, хорошая книга и... облом. Вставать и смотреть, кто там припёрся, не было ни малейшего желания. Но на третий упорный стук я уже заревничал. Встал, подкрался к двери на цыпочках и заглянул в глазок. Увиденное не обрадовало — на меня умилённо уставился незнакомый узбек в драном халате и скособоченной тубетейке.

— Чего надо? — не открывая, громко спросил я.

— Хвала Аллаху, вы дома, о почтеннейший! Мой друг, Лев Оболенский, сказал, что здесь я могу найти еду и кров...

Я автоматически распахнул дверь и замер перед своим зеркальным отражением.

— Домулло?!

— Офигеть... — так же поражённо выдохнул Насреддин.

— А... где Лев? — не зная, о чём ещё можно спросить, выдал я.

Боже, боже, боже... Ведь предо мной сейчас стояла живая легенда

всего мусульманского мира, а я задавал глупые вопросы о том, о ком ничего и слышать-то не хотел!

— Уважаемый, это долгая история...

— Намёк понял!

...Час спустя за столом с пельменями по-астрахански и красным балканским вином мне поведали начало дивной и правдивой истории о третьем походе моего друга в сказочные дали таинственного Востока! Я слушал, я спрашивал, я уточнял, я спорил, только-только успевая записывать самое основное. Сказка вернулась, встала в полный рост и отозвалась в моём сердце, словно откликнувшийся в горах эхом звук узбекского бубна. Дрожащей, полузабытой мелодией, стуком каблучков, жарким током крови в висках, едва уловимым шёпотом жёлтой пустыни, звоном старинной серьги с голубой бирюзой, изогнутой ятаганами арабской вязью древнего текста! Бум-балаки-дон, бум-балаки-дон, бум-балаки...

ГЛАВА 1

Не грех украсть, если ничего иного не нашёл человек для продления жизни своей...

Достоверный хадис

Лев не любил рассказывать о своих путешествиях в Багдад и Самарканд. Пару раз поделился с друзьями по работе на шашлыках, так они же его и оборжали. Причём не с высоколитературной, художественной или научной критикой, а по принципу «не умеешь врать — не берись». Дело едва не кончилось дракой, а это были хоть и нетрезвые, но деловые партнёры. В жизни Оболенского неожиданно стали набегать тучки, вроде бы и по мелочи, но мелочи, как известно, имеют нехорошую тенденцию накапливаться.

Потом ему начали сниться восточные сны. То есть в общем-то они, конечно, снились и раньше как время от времени всплывающая память о прошлых героических деяниях. Но сейчас эти сны были заполнены незнакомыми персонажами, там не было прекрасной Джамили, хитроумного Насреддина, суетливого башмачника Ахмеда, богатырши Ириды аль-Дюбины, могущественного джинна Бабудай-Аги и великого дедушки Хайяма. О последнем благородный потомок князей Оболенских вспоминал не иначе как со слезами на глазах...

О нет! Те сны, что жаркими ночами наседали на моего друга, были полны разрывов бомб, свиста снарядов, коротких молний трассирующих пульт, чёрного, душащего, жирного дыма от пылаю-

щих нефтяных скважин и сдавленного плача ребёнка. Тихого, беспомощного, раздавленного лязгом танковых гусениц и воем реактивных самолётов. Этот несказочный Восток пах только смертью!

Лев вставал среди ночи с мокрой головой, выходил на балкон, умиротворяясь спящей Москвой, тёр ладонями холодный лоб, вновь и вновь давая себе слово, что он туда больше не поедет. Сегодняшние проблемы Ирака, Ливии, Сирии, Йемена, Египта и так далее — это внутренние дела данных стран, никоим боком не касающиеся его воровской деятельности, проходившей в этих землях шайтан его разберёт сколько лет назад! И всё-таки, всё-таки, всё-таки...

Как говорят мудрецы, «человек предполагает, но Аллах знает лучше». И вот в один прекрасный (или ужасный) день помощник прокурора господин Оболенский вдруг поймал себя на том, что его со всех сторон окружают сплошные азиаты... Ей-богу!

Они были везде — вычищали улицы, подавали кофе в «Шоколаднице», ремонтировали подъезд его дома, торговали шаурмой у ближайшего метро, трудились носильщиками и грузчиками в супермаркетах и, казалось, превращали привычную его детству старую русскую Москву в некое подобие оголтелого многонационального Нью-Йорка. С той лишь разницей, что там везде мелькали чернокожие, а тут узкоглазые лица.

Мир явственно менялся, непонятно кому в угоду, но теперь те, кого было так удобно и дёшево позвать на время, незаметно оседали здесь навсегда. Закончив одну работу, они тут же брались за другую, благо избалованные москвичи, свысока поругивая приезжих, тем не менее всегда находили им занятие, спихивая на чужие плечи всё, чем гнушались заняться сами. Столица постепенно, но целенаправленно становилась всё более и более евразийской...

Разумеется, Льва это раздражало. Он, так же как и большинство россиян, искренне полагал, что каждый народ хочет и должен жить на своей исторической родине и ничего плохого в этом нет. Однако, когда на глазах у него трое парней с жёлто-чёрно-белыми значками окружили пожилую казашку с двумя багажными сумками, его сердце ёкнуло. Он даже не осознал до конца, в какой момент вмешался, но ценой порванной рубашки и разбитого кулака в три пинка разогнал юных националистов!

Женщина едва ли не на коленях благодарила своего избавителя и на прощанье, не слушая возражений, сунула ему большущее яндовское яблоко. С этого невинного фрукта всё и началось...

Нет, Оболенский не стал тут же его есть, а сунул в карман пиджака и пошёл себе дальше. За два квартала до его дома, у перекрёстка, стояли ларьки с фруктами. Мой друг, приценившись там-сям, ре-

шил, что эти азиаты вконец задрали цены и в «Магните» оно будет дешевле, но стоило ему сделать шаг в сторону, как...

— Эй, зачем яблоко в карман взял? Платить надо!

— С чего это взял? Это моё.

— Ага как врёт, да?! — осуждающе возвысил голос молодой узбек с коричневым лицом. — А ещё москвич называется... Понаехал тут!

— Ты мне тут ещё порассуждай, кто куда понаехал, — рявкнул обиженный в лучших чувствах Лев Оболенский. — Я сейчас милицию вызову!

— Вах, смотрите на него, люди, — вступился за собрата пожилой азиат в грязном белом фартуке поверх не менее грязного халата, — сам украл и ещё нам угрожает, совсем стыд потерял, да?

— Мы тут тоже милицию вызовем! — дружно загомонили продавцы, и потомок древнего дворянского рода, коим Лев вечно и к месту и не к месту гордился, невольно отступил.

И вовсе не потому, что испугался, а потому, что происходящее само по себе было невероятно дико! Как это, на него, русского, коренного москвича, в столице России, в центре города, нападают какие-то заезжие узбеки, обвиняя в воровстве! И кого?! Его, бывшего Багдадского вора, грозу эмиров, кошмар караванов, ходячий ужас дворцовой стражи, который если уж крал, так никогда не попадался! На его счастье, мимо проходил полицейский наряд. Лев радостно кинулся навстречу и...

— Сержант Бельдыев. Ваши документы, гражданин.

— При чём тут мои документы? — Оболенский с нарастающей паникой отметил, как молодой продавец что-то быстро строчит на непонятном языке второму милиционеру, а тот сурово и понимающе кивает.

— Значит, никаких документов не имеем? Пройдёмте с нами.

— Да куда я с вами не пойду, я...

Он и опомниться не успел, как был атакован целой толпой азиатов, скручен по рукам и ногам, а сержант Бельдыев чем-то коротко и сильно ударил его по голове. Последнее, что Лев разобрал, проваливаясь в плотный душный туман, были слова:

— Совсем бандит, да, наверное, из новых русских. Тащите его в отделение, там разберёмся...

Потом были звёздочки, кружочки, птички и маленькие шайтанчики, кругами вносящиеся вокруг его головы. Звёзды молчали, кружочки тоже, птицы щебетали на все лады, а шайтанчики противно хихикали, словно только что сделали какую-то невероятную пакость. Остатками неотбитых мозгов Лев понял, что сопротивление бессмысленно, и признал, что если совсем уж по совести, то у нечис-

того были причины до него докапываться и, возможно, его месть удалась...

«Алла-а, ир-рахим... шайтани... Блин, не помню! Короче, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного, а?» — мысленно пробормотал наш герой, голова прояснилась, кружащиеся пятнышки исчезли, вокруг явственно потеплело, но он по-прежнему был несвободен и его всё так же куда-то волокли без малейшего политесу.

Оболенский попробовал было временно покориться судьбе, как чей-то властный голос остановил его обидчиков:

— Куда вы тащите этого несчастного, о правоверные?

— В зиндан, почтеннейший шейх, — после секундной заминки ответил кто-то. — Этот нехороший человек — вор, он украл яблоко на базаре и оскорбил честных купцов благородной Бухары!

— Он — чужеземец и вполне мог не знать наших законов. Аллах, Всемилостивейший и Всемогущественный, велит прощать невольное незнание, за что и да простит Он вас в Судный день. Отпустите несчастного!

— Слушаемся и повинемся, о шейх Хайям-Кар! Да продлит небо ваши годы бесконечно. Но будет ли за это какая-нибудь награда вашим ничтожным рабам?

— Пошли прочь!!!

От такого громоподобного рёва Оболенский окончательно пришёл в себя, а двое стражников дунули вдоль по ночной улочке не оборачиваясь, едва не роняя от страха щиты и копья.

— Иди за мной, незнакомец, — приказал тот, кого звали Хайям-Кар.

Мой друг быстро огляделся, тихо, сквозь зубы выругался неприличными словами и молча проследовал за суровым худым стариком в чёрных одеждах.

Быстро гущались сумерки, ибо ночь на Востоке падает, как чёрная вуаль на лицо неприступной красавицы, делая окружающий мир таинственным и волшебным. Высокие чинары становятся похожими на спящие минареты, мерцающая вода в арыке отливает живым серебром, маленькие дома на окраинах превращаются в волшебную колоннаду белого и розового лукума, подаваемого на расписном блюде, а высоко в небе протирают заспанные глазки первые застенчивые звёздочки...

— Салам алейкум, Лёва-джан, — сказал старик, когда они уселись на тёплые камни у реки.

— Здравей бывали, Бабудай-Ага. — Оболенский радушно обнял старого знакомого. — Хорошо замаскировался, только ноги при ходьбе включать не забывай, а то просто паришь над планетой.

— Привычка, — виновато улыбнулся джинн. — Как ты там, почтеннейший? Как дом, семья, достаток, друзья и жёны?

— Всё супер, особенно жёны. Ты, главное, Маше об этом не ляпни — убьёт на фиг!

— Жён? — ужаснулся Бабудай-Ага.

— Нас! — со вздохом поправил Лев. — А чего ты так маскарально вырядился, словно беглый преступник-визирь с гематомой на всю голову?

— Твой ум не знает разумных границ, почтеннейший...

— Мм, это был комплимент или наезд?

— О человек, — грустно улыбнулся узкоглазый джинн. — Иногда ты упрямством и наглостью напоминаешь мне нашего общего длинноухого друга с именем детей Сиона. Довольно ли тебе будет знания того, что ты здесь не случайно? Мир вновь нуждается в Багдадском воре, и силой того, чьё имя я назвать не вправе, ты вновь вернётся, дабы написать на скрижалях Вечности новые страницы!

— А без патетики никак?

— Никак.

— Ладно, что надо украсть, чтобы ты вернул меня домой к ужину?

— Останови меня.

— Чего?! — вытаращился Лев, но Бабудай-Ага уже зыбко таял в тёплом мареве ночи.

— Аллё, стой! Куда пошёл? Стой, мы ещё с тобой не договорили-и! — заорал широкоплечий россиянин, бросился в погоню, увяз штиблетами в бархане, рухнул носом в песок и... проснулся.

Нет, нет, не так, как в дурных романах, когда мы долго следим за головокружительными приключениями героя, а в конце оказывается, что ему всё это просто приснилось. С одной стороны, даже чуток завидуешь человеку (вот снятся же кому-то такие обалденные сны!), а с другой — как-то всё-таки раздражает... В нашем случае происходящее оказалось значительно круче любых фантазий моего друга.

Он встретил это утро, как и всякий праведный мусульманин, проснувшись за несколько минут до пения муэдзина, призывающего верующих к утренней молитве. Отбросил одеяло, накинул старенький халат, просеменил в угол, достал и расстелил на полу маленький коврик, после чего опустился на колени. Его язык повторял с детства привычные слова:

— Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его!

Оболенский, как всегда, закончил свою молитву чуток раньше, чем это было положено, ибо настоящий вор должен выходить на работу до появления клиентуры. Как истинный лев, он отправлялся на охоту в городские джунгли, садился в засаду на базаре и ждал

свою добычу — неторопливого крестьянина, зажиточного ремесленника, надменного купца, да кого угодно, лишь бы с деньгами. Его промысел был скромным и достался в наследство ещё от деда, а тому от его прадеда, и так бесчётное поколение времён до тех пор, когда первый питекантроп сообразил, что можно не бежать с высунутым языком за мамонтом, а просто стибрить банан у соседа...

— Утро красит нежным светом стены древнего... ля-ля! — пропел Лев просыпающейся Бухаре, выходя на её полусонные улицы.

Метельщики и пожилые сторожа приветствовали его мрачными, укоризненными взглядами, но поделаться что-либо не могли. Вор шёл уверенной, чуть пританцовывающей походкой, и казалось, он мог сунуть себе за пазуху весь город, потому что ещё никому ни разу не удавалось поймать его за руку. Не иначе как сам шайтан хранил его от гнева праведных, но рано или поздно справедливость и закон восторжествуют, и тогда не миновать ослушнику шариата кизилых палок...

Наш герой неторопливым шагом добрался до базара, подкрепившись по пути украденной лепёшкой и горстью изюма, на ходу вынул пол-литра воды у зазевавшегося продавца и намётанным взглядом выбрал себе жертву дня. Невысокий, крепенький дехканин в заплётённой одежде путешественника сидел на сером упитанном ослике и о чём-то увлечённо расспрашивал прохожего. Вся его фигура буквально излучала наив и простодушие...

— Раз пошли на дело я и Рабинович, — тихо замурыкал Лев незнакомую доселе песенку, подкрадываясь к бедолаге сзади.

А там уже всё было бы легко до смешного: случайный толчок, искренние извинения, заверение во взаимной дружбе, любви до гроба, приглашение погостить, если караван-сарай занят... и уйти, пятясь, мелкими шагжками, стараясь, чтоб чужие таньга не слишком откровенно позванивали в кармане. Но тут ослик повернул левое ухо, затем правое, оглянулся, сделал круглые глаза и...

— Не понял?! — тихо выдохнул любитель чужих кошелечков, когда осёл издал невероятный по мощи и долготе вопль щенячьего восторга, сбросил хозяина, встал на дыбы и кинулся на шею Оболенскому, как к родной маме.

Лев в мгновение ока был сбит с ног, потом бесчеловечно вылизан, обслюнявлен, затискан, обнюхан и расцелован до интимности с ног до головы!

— Мама-а! — взвыл он, отплёвываясь и протирая глаза. — Уберейте психическую скотину!

— Воистину, это самый подлый, злобный и бесчестный ишак из всех созданных Аллахом, — со стоном подтвердил поднимающийся

хозяин осла, взглянул на Льва и вдруг кинулся на него с неменьшим пылом: — Багдадский вор! О, как долго я тебя искал, свет моих очей!

Пытавшийся было встать Оболенский был вторично брошен на-земь и прижат братской тушей крепкого дехканина. Ситуация резко выходила из-под контроля, вокруг начал быстро собираться любопытный народ.

— Что случилось, правоверные?

— Вор хотел ограбить честного мусульманина!

— Ва-ах, как только Аллах такое допускает?

— Но тот поймал его за нечестную руку! Смотрите, они борются, как муж и жена, соединённые по шариату?!

— Вай мэ, вроде не запрещено, раз Аллах допускает...

— Люди, туда же ещё и осёл лезет!

— А что, ослу с ними нельзя?!

— Вай дод, не знаю, Аллах иногда и не такое допускает...

— Ты что творишь, кретиноид?! — отплёвываясь, взвыл Лев, с трудом оторвав от себя целующегося незнакомца. — Отвянь, противный, я не такой!

— А то я не знаю, Лёва-джан... Дай обниму ещё раз, или у меня разольётся желчь от переизбытка чувств и тебе придётся вести меня в чайхану, в отдельный покой, где до самого вечера отпаивать красным вином в обход всех заветов Корана! Но всё равно мои щёки будут пылать от радости нашей встречи!

— Слезь с меня, Элтон Джон в голубой тибетейке! Мне линять надо-о!!!

А хрен вам, не растущий в здешних широтах! Базарный народ Бухары уже завёлся. Слышались призывы к властям, но кольцо сочувствующих сжималось всё плотнее, изыскивая, как бы до прихода слуг закона излить хоть на кого-то праведный гнев истинных мусульман, по долгу веры знающих, как и чем наказывать бесстыжего вора. Тем более такого, всех доставшего, как наш московский герой и мой, если не забыли, друг...

— Стража, стража!

— В ухо не ори, да? Храни Аллах нашу стражу, когда её надо, то она вечно не тут... А что, правоверные, мы разве сами не справимся? Вора должно побивать камнями!

— Вай мэ, зачем так говоришь, вразуми тебя Всевышний?! Это блудницу пристало побивать камнями при четырёх свидетелях.

— Так взгляни на этого осла, он целуется с ними обоими, как блудница! Мы все свидетели, хвала Аллаху, у нас есть повод их побить!

Отдадим должное длинным ушам непарнокопытного, ослик мигом сообразил, что дело пахнет керосином, и спешно сделал ноги. Он явно не хотел, чтоб его сочли блудницей. А вот когда народ уже

не в шутку начал награждать Оболенского тумачами, опомнился уже и Насреддин:

— Люди, за что вы его бьёте?

— Он вор и украл у тебя кошелёк!

— А-а... э-э... всё это козни шайтана, ибо это не мой кошелёк! — невятно замылся домулло. — Я его, как бы поточнее сказать, шёл, шёл и...

— Украл, — погромче буркнул Лев, пользуясь тем, что о нём на минутку забыли.

— Вай мэ, воистину, мусульмане, вот кто настоящий вор! — Недалёкие жители благородной Бухары охотно перекинулись в другую сторону. — Бей его!

Оболенский с трудом встал, отряхнулся и, морщась от боли во всех местах, тихо двинул было наутёк по-английски, как неизвестное доселе чувство развернуло его назад. Кажется, это называется совестью...

— Хамы! Холопы! Быдло! В смысле какого лешего вы его бьёте, раз я вор?!

— И вправду, мусульмане, ведь если они оба воры, зачем нам бить одного? Надо обоим воздать кизиловыми палками! Тащим их к кади! А может, прямо здесь воздадим?

Лев успел от души съездить по мордасам двоим самым резвым, но людей на базаре всегда больше одного, а потому законопослушная толпа радостно повязала и того и другого, сдав приятелей на руки наконец-то подоспевшей страже. Четвёрка мрачных, заспанных слуг бухарского эмира, грозно хмуря брови, толкнула нашу парочку и с почётом двинулась к дому кади — верховного судьи города, облечённого властью и правом разбираться в делах, казня и милуя по собственному усмотрению. Несколько шагов толпа даже сопровождала их, а потом врождённое восточное милосердие дало о себе знать, ибо каждому известна строгость законов для богатого и для бедного...

— Вай мэ, какой белокожий, голубоглазый, светловолосый, как жалко его — страшенький...

— Ну и что с того, что они воры, зато у них любовь! Аллах да смилуется над ними...

— Аллах-то смилуется, а вот кади не очень прислушивается к его мнению.

— Их казнят? Сейчас буду плакать.

— Ай, зачем казнят, дадут по спине тысячу ударов кизиловой палкой, и иди домой!

— Ну да, если хоть что-то от спины останется...

— Зачем мы так с ними, мусульмане, я же теперь уснуть не смогу?!

— Хорошо хоть осёл успел сбежать, не выдадим его, правоверные!

ГЛАВА 2

Так взгляни ж на меня хоть один только раз...

Русский романс, исполняет Медуза Горгона

Пока они шли через шумный базар, под проклятия и стоны сострадания, Ходжа изо всех сил старался опускать голову пониже, пряча лицо. Бывший же россиянин, наоборот, шёл с высоко задраным подбородком, всем видом показывая независимость и свободолобивый нрав потомка благородного русского дворянства!

Пылающее солнце замерло в вышине, сияя на синем куполе неба, как всевидящее око Господа, озаряющее последний путь двух закоренелых преступников.

Ходжа ни на миг не сомневался, что кади узнает его, и тогда самое милостивое наказание для «возмутителя спокойствия» будет посадение на кол! Лев тоже не строил насчёт себя особых иллюзий, тем более что к судьбе его приводили уже трижды, но бездоказательно, и в последний раз кади пообещал обезглавить его по-любому, ибо надоел, блин! Поэтому, как только они перешли в узкий лабиринт улиц, направляясь к нужному кварталу, бдительный Насреддин быстро заметил соратнику:

— Лёва-джан, о свет очей моих, суперстар Багдада, любитель гаремов и посрамитель шайтанов, ты как это, вконец офигел, да? Ты что, совсем решил меня не узнавать?!

— Да я тебя, прощелыгу узкоглазого, в первый раз в жизни вижу, — вяло огрызнулся Оболенский, — и боюсь, что уже в последний...

— Я твой друг и брат, Ходжа Насреддин!!!

— Не болтать! — припугнул ближайший стражник, и эфенди словил древком копыя по тыбетейке. Это быстро настроило его на более решительный лад.

— Ах ты, паршивый сын шакала, дитя гиены, помёт ехидны и отрыжка старого верблюда! Не узнаёт он меня, вай мэ?! Да на твоих глазах, низкий изменник, я обхитрю этих стражей и уйду на свободу! А если ты не вспомнишь искусство Багдадского вора, то, клянусь Всевышним, сегодня же твоя голова упадёт на «коврик крови»...

— Чё пристал? Я не знаю тебя, не знаю никакого Багдадского вора, я тихий жулик из Бухары и не...

— Я тебя предупредил, — коварно очерился герой народных анекдотов, повернулся к самому старшему стражу и начал: — О великий воин и благородный господин, дозволено ли будет такому

беспросветному грешнику, как я, до прихода к кади облегчить свою душу молитвой?

— Валяй, но покороче! — сурово кивнул бородой стражник.

Ходжа послушно опустил на колени и длинной скороговоркой зачастил:

— О Аллах, Всемилостивейший и Всемогущественный! Прошу тебя, пусть зарытый мною клад в тысячу динаров, две тысячи дирхемов и три тысячи таньга найдёт достойный человек, который употребит пятую часть этих денег на молитвы о моей пропащей душе... Ну вот вроде и всё, пошли?

Оболенский был готов поклясться всем на свете, что это банальное разводилово он уже слышал и видел, но где и когда?! Память отгораживалась чёрной стеной забвения, плотной и непрístupной, как Великая Китайская... Но этот странный незнакомец вёл себя как его старый друг, которых у него никогда не было, а тот ослик радовался ему, словно любимому хозяину! Хотя откуда бы у бедного вора деньги на домашний скот? И вообще, хотя всё происходящее выглядело необъяснимой мистификацией, но казалось, вот-вот, ещё миг, и загадка перестанет быть таковой, все детали мозаики встанут на свои места, а правда восторжествует! Однако пока-а...

— Я не знаю тебя, — устало вздохнув, сдался Лев.

— А я напому, — сладко шепнул Насреддин, отвечивая другу сурового пенделя с носка в копчик!

Оболенский взвыл и... выругался незнакомым матом. То есть это были яркие и насыщенные слова, вырвавшиеся из самых потаённых глубин необъятной русской души. На мгновение он остановился, медленно, словно бы пробуя на вкус, не торопясь, повторил по памяти всю комбинацию из пяти слов, прикрыл глаза и... вспомнил!

Хайям ибн Омар, Ходжа, Рабинович, Багдад, Шехмет, Джамия... Аслан-бей, Самарканд, Кара-Анчар... большие города и маленькие кишлаки... арык, караван-сарай, зиндан, гарем, гарем, гарем!!! На последнем слове бывший помощник прокурора окончательно пришёл в себя, но главное, понял, кто он такой и зачем его сюда притащили...

— Аллэ, служивые, чего приуныли? Вон начальник ваш с напарником другана моего на другой конец города потащили, клад выкапывать будут. А вы чем хуже? С вами-то хоть поделятся?

— Молчи, грязный вор, — без энтузиазма пригрозили ему два крепыща. По постным лицам было видно, что они и не надеются на свою долю.

— Ладно уж, — царственно повёл плечами Лев, — суньте руку за пазуху, там кошелёк. Дербаньте, пока начальство далеко.

Счастливые стражники, побросав копья и щиты, коршунами накинулись делить неожиданную добычу.

— О бесчестный вор и подлый преступник, но здесь всего девять таньга, — обиженно протянули оба. — На двоих, ай-ай-ай, не делится...

— Ну я ж вам тоже не банкомат, — хмурия бровь, призадумался Оболенский. — Но одна таньга — это одна таньга, она лишней не бывает. Предлагаю пари, один берёт щит и лупит другого по голове. Тот, у кого громче получится, значит, и...

Его даже не дослушали. Бодрые стражники, не сговариваясь, бросили копья и схватились за щиты. Один ухнул другого по маковке в тот самый момент, когда второй въехал ему краем щита в висок. Два тела рухнули одновременно, обоих спасли медные шлемы, хотя гула было-о, как от удара молотком по пустому ведру...

— А по полтаньга поделить не судьба никак? Да, если Аллах наказал, добавлять уже не надо, — глубокомысленно изрёк наш герой, легко скинул верёвки с запястий, и, уложив стражей в самой неприличной позе, подскazanной ему его шибко вольной фантазией, прислонился спиной к глиняной стенке ближайшего дома. — И чем же меня так по мозгам напряжило, что я ничего не помнил? Неужели Бабудай-Ага устроил, карданный вал ему в заднюю дверцу?! Ладно, наплющу нос этому джинну при встрече. А сейчас есть тема поважнее: под какими часами мне ждать с букетиком друга и собутельника? Мм... ну, на Востоке, если не оговорено заранее, джентльмены всегда встречаются на виду в приличном клубе. То есть в самой известной чайхане на базаре!

Определившись с генеральной идеей, он беззаботно поправил тюбетейку, с трудом удерживающуюся на пшеничных кудрях, и, насвистывая, двинулся вдоль арыка. Его славянская душа пела! И вовсе не потому, что Лев вспомнил, кто он есть, а совсем по иной причине, внятно сформулировать которую вряд ли сумел бы и он сам. Я попробую лишь угадать, но уверен, что едва ли ошибусь, предположив, что... Льву здесь нравилось!

Дивный воздух Востока, пахнущий жаркими страстями и пряностями, дыхание горячего песка под ногами, неумолимая ласка пылающего солнца, прерывистый шёпот смуглолицых красавиц, завораживающая высота голубых минаретов и, воистину, бездонное небо, накрывающее весь мир куполом надежды и веры в высокий замысел Творца!

Поверьте, ведь дело вовсе не в том, что здесь всегда жила сказка. Вернее, не только в этом. Как бы мы ни романтизировали «Тысячу и одну ночь», но средний россиянин вряд ли бы обрадовался прописке в своём микрорайоне... злобных ифритов, вызывающих бури, мо-

гучих джиннов, перемещающих дворцы, вампиров-гулей, поедающих людей, старух-колдуний с одним зубом (способным перерубить ствол дерева!), а уж тем более бегающих взад-вперёд по своим делам мелких и крупных шайтанов...

Представлять подобное в своих фантазиях весело и забавно, а вот жить в таком кавардаке — уже увольте! У каждого из нас и своих проблем хватает: дом, работа, зарплата, экология, ГАИ, ЖЭК, тёща... куда нам ещё и восточную нечисть? Я горячился, Насреддин важно кивал, со всем соглашаясь и налегая на конфеты «Коркунов», а новая история моего друга расцветивалась свежими красками.

— То есть он опять потерял память?

— Не совсем, — поправил меня Ходжа. — Память мигом вернулась к нему после хорошего пинка под зад! Причём очень важно было правильно пнуть. Я с первого раза попал в нужную точку.

— А-а, видимо, прямо в нервное окончание. Это как акупунктура, иглолечение?

— Что-то вроде.

— Как я понимаю, Бабудай-Ага этим просто сделал вам подарок.

— И не говорите, почтеннейший, такое развлечение...

ГЛАВА 3

Главное не победа. Главное — участие!

Адольф Гитлер. Записки из Рейхстага

...Примерно пару часов спустя в самой большой и многолюдной чайхане Бухары, за низеньким дастарханным столиком, встретились двое. Скромный, толстенький стражник эмира, демонстративно не желающий привлекать к себе внимание, и здоровенный еврей-ростовщик с подозрительно длинными пейсами, развалившийся на подушках и непозволительно громко покрикивающий на хозяина заведения.

— Лёва-джан, хоть чуть-чуть покажи то, что ты ошибочно называешь воспитанием. Евреи в мусульманском мире не ведут себя столь вызывающе...

— А как же Холокост, а одесские погромы, а печи Бухенвальда, а великая Шестидневная война в Палестине за создание государства Израиль? Где ваше чувство вины перед моим вечно угнетённым народом?!

— Но ты не еврей.

— Не еврей, — честно согласился Лев, поправляя кипу. — Но

хоть разок-то поприкалываться могу? Хозяин! Ещё чаю моему другу! А мне кошерного вина, мацу и рыбу-фиш!

Пожилой бухарец с пузом круглым, как казан, неодобрительно прищёлкнул языком, выразительно похлопав по большому мясницкому ножу, торчащему за широким поясом.

Оболенский лениво улыбнулся и щелчком большого пальца отправил ему золотую монету.

— Ты с ума сошёл?! Хватило бы и пяти таньга!

— А чего жадничать, это же не мои деньги, — ещё шире улыбнулся Багдадский вор, и Насреддин вынужденно согласился.

Чайханщик быстро поставил перед ним горячий чайник и блюдечко с колотым жёлтым сахаром.

— А теперь, о мой вороватый друг, поведай моему истомлённому разлукой сердцу, каким безумным ветром пустыни тебя занесло в Бухару?

— Джинн.

— Где?!

— Я имею в виду, что меня, как всегда, притащил Бабудай-Ага.

— Неймётся ему...

— В точку, — почесав в загривке, подтвердил Лев. — Я так понял, что у вас тут опять не всё тип-топ? Давай колись, какие проблемы сотрясают родину моего покойного дедушки на этот раз.

— Эмир угнетает народ, богатые обижают бедных, муллы крадут пожертвования, шейхи обманывают верующих в мечетях, караванные тропы полны разбойников, городские улицы кишат грабителями, кругом разврат, мерзость, взяточничество и нарушение законов... Да нет, вроде всё как всегда, Лёва-джан.

Собеседники церемонно отхлебнули чаю и продолжили.

— Теперь позволь мне самому ответить тебе на вопрос, который давно читаю в твоих голубых глазах...

— Ходжа, ты так произносишь слово «голубых», что я невольно краснею. Имей в виду, ты не в моём вкусе.

— Вай мэ, не перебивай, уважаемый, ибо я хотел рассказать о Джамиле. — Насреддин выдержал театральную паузу. — Она вернулась в Багдад.

— И...?

— И?

— Я первый спросил «и?», то есть не томи, что дальше-то?

— Не знаю, уважаемый. В тот день, когда я увидел её на улицах Багдада, за мной гнались сразу двенадцать стражников, и если бы не резвость моего ишака, мы бы сейчас не наслаждались беседой в этой дивной чайхане...

— Она не икрная?

— Чайхана?! — едва не поперхнулся Ходжа, но, подумав, быстро поправился: — Не могу сказать наверняка: на твоей возлюбленной было свободное платье, а подойти и спросить прямо мне не позволили стражники, они были так настырны в своем внимании к моей скромной особе...

Оболенский откинулся на смятые подушки и мечтательно прикрыл глаза, вспоминая невысокую черноволосую красавицу, некогда избавленную им от злобного мужа-гуля и толпы его пустынных прихлебателей. Причудливые нити судьбы навек связали сердце женатого москвича нашего времени и сердечко молоденькой вдовы с окраин сказочного Багдада. Если Всевышнему будет угодно свести их в третий раз, то Лев уже не поклялся бы, что вновь сумеет уйти от своей восточной любви...

— Трудно делить сердце пополам, — без напряжения читая мысли друга, вздохнул Насреддин. — Ещё трудней навеки положить его к ногам одной женщины. Возможно, поэтому Аллах разрешил верующим иметь четырёх жён. Но, между нами говоря, Лёвушка, не делай этого. Я разок попробовал и... Поверь, четыре жены — это ад! Четыре тётки, вечно засиживающиеся у тебя в гостях, четыре тестя, приходящие за подарками каждый месяц, четыре пары белых нижних штанов, ежедневно сушащихся на верёвках во дворе... Но что хуже всего — недозволенные дни у них тоже сходятся, словно нахалки сговорились!

— «Каждому просящему у тебя — дай», — слишком вольно трактуя Библию, припомнил Лев. — Тем более мужу!

— Золотые слова... Но попробуй объяснить их истинный смысл женщине?!

Разговор соскальзывал в привычную для мужчин колею и требовал вина. Увы, толстый чайханщик возмущённо замахал руками, грозно расколотил поднос, трижды прочёл молитву против шайтана, но запрещённый алкоголь так и не выдал. По цвету его носа было заметно, что он тихонько злоупотребляет в одиночку, прикрыв лавочку и разогнав клиентуру, но делиться не станет, хоть с ним дерись...

— У нас в Москве такая исламская кафешка прогорела бы за месяц! Слушай, а хоть танцы живота здесь показывают?

— Ну если только сам хозяин станцует. Попроси его.

— Не-э, я не согласен! — Мигом представив себе небритого раздевающегося толстяка с волосатым пузом, Лев решительно поднялся и потянул за шиворот домумлю. — Пошли поищем самую низкопробную забегаловку и отпразднуем моё возвращение не по-пионерски!

— Вах, неужели ты имеешь в виду вино, девочек, приятных глаз, «укус пчелы» и прочие нарушения шариата?! Я с тобой!

Они щедро сыпанули на дастархан горсть медных монет и только-только вышли наружу, как на улице были моментально атакованы высоким тощим евреем в нижней рубахе и коротких белых подштанниках. За его спиной сурово топтались два незнакомых стражника. Оболенский впервые пожалел, что уголовная этика не позволяет убирать свидетелей. Крючконосая «жертва» с пейсами спалила его на корню, как шкодливого котёнка...

— Ага, теперь ты попался! И вот он, злодей! Вот он, хватайте его, о доблестные стражи, и да будет вам награда от Всевышнего!

— Ты обещал нам сто таньга, если мы найдём твою одежду, — строго поправили стражники.

Лев открыл было рот, но Насреддин бесцеремонно захлопнул его ему метким тычком кулака снизу.

— Дай мне поразвлекься. Недаром сказано: «Кто имеет медный щит, тот имеет медный лоб». Итак, о мои собратья по службе, я первый поймал вора! По чести половина обещанных денег должна принадлежать мне.

— Воистину сам шайтан задержал нас... Треть денег твоя, о собрат по оружию!

ГЛАВА 4

Вот поймал как-то Джек-петушитель Джека-потрошителя да как начал менять ему ориентацию...

Сказки братьев-в-гриме

— Отойдём в сторону, братья, и честно решим наши дела, Всевышний любит справедливость.

По знаку Ходжи вся компания отошла на задний двор, где Оболенскому пришлось разоблачиться и быстренько вернуть все украденные вещи. Молодой еврей радостно приоделся в своё традиционное платье, и вот тогда началась обещанная трагикомедия. Начал, разумеется, сам режиссёр, он же сценарист, он же исполнитель главной роли, он же продюсер, он же... В общем, всё как у Михалкова.

— Иудей, тебе вернули твои одежды. Отдай же нам обещанные сто таньга, дабы мы с братьями разделили их, — величественно пропел Ходжа, поправляя сползающий набор шлем.

— Конечно, конечно, конечно... Ай, у меня же был кошелёк! Вот тут, в кармане. Нет, таки он в другом. Ах нет, в поясе... О Яхве, где мои деньги?!

— Нам это неведомо, — вместе со стражниками кивнул домулло. — Но заплати нам обещанное, ибо мы сдержали слово!

— Да, да, да... Но как? У меня нет денег, они были в моей одежде, то есть когда она была моей, — засуетился еврей, но быстро прозрел: — Так ведь наверняка этот бесчестный тип украл их! Он украл и мой кошелёк!

— Обыщите его, братья.

Два стражника быстро облапали стоящего голышом Оболенского и, разумеется, ничего не нашли. Ещё бы, искомый кошель кошерных денег давно пригрелся за пазухой Насреддина...

— Ничего нет.

— Вай мэ, что же делать? Если честный стражник перестанет получать заслуженную награду за свой труд — небо огорчится, а мир перевернётся!

— Да ведь вам и так платят жалованье с наших налогов, вымогатели, — громко вякнул еврей и прикусил язык, но поздно.

— Как смеешь ты, немусульманин, осуждать наше законное право на обещанные благодарности, подношения и награды?! — грозно обрушились на него все трое стражников. (Одного можно было поставить в кавычки, но суть-то от этого не менялась.) — Это установление самого Всевышнего! Если мы не будем брать, то кто будет? Верни нам наши честные танья, о хитроизворотливый иноверец!

Далее по сценарию бедный еврейский юноша битых двадцать минут с пеной у рта доказывал, клянясь священной Торой и бородой пророка Моисея, что он вовсе не это имел в виду, и если стражникам так нравится брать взятки, пусть берут ради аллаха, таки кто он такой, чтоб их в этом упрекать?! Вот тут он по-настоящему понял, что опять сболтнул лишнего, но как удержаться, если спор — вторая натура еврея...

— Вай дод, какими чёрными словами он оскорбил нас! Его гневные речи кислотой выжгли мне сердце, взволновали желчь и опустили печень. — Ходжа не стал сдерживать фальшивых слёз и одним красивым жестом добил сочувствующую публику. — Братья мои, а того ли мы поймали? Этот человек даже не знает, где карманы на его одежде и есть ли в них кошелёк с нашими танья?

— Воистину, — переглянулись стражи.

— Эй, что за... Это я! Я пострадавший! А он у меня украл одежду! Он у меня, а не я у него! Вы что, совсем ослепли?!

— Молчи, иблис лукавый! Все иудеи на одно лицо, — бесстыже соврал герой народных анекдотов, визуально обобщив широкоплечего блондина Льва и стройного чернокудрого семита.

В один миг его заставили раздеться, вернуть вещи, облачили в них Оболенского, который в знак благодарности почтительно об-

нял «мудрого слугу закона» и, «получив» деньги назад, без проблем одарил стражей аж по динару на каждого. После чего все праведные вопли типа «Так вот же он, мой кошелёк!» уже не имели веса. Молодого еврея безбожно кинули, да ещё и добавили плюшек за «клевету и оскорбление честных людей»...

Таким образом Багдадский вор начал свой чёрный путь по Бухаре с добросовестного или бессовестного ограбления трудолюбивого клана ростовщиков. А поскольку ислам запрещает правоверным давать в долг под проценты, то мой друг даже не понял, на какую могущественную и страшную организацию он задрал лапку. Его такие мелочи никогда не волновали...

— О мои братья по оружию, ведите этого низкого лжеца в иудейские торговые ряды. Если и там он не будет узнан — киньте в зиндан бесстыдника, оскорбляющего наш нелёгкий труд.

— А куда пойдёшь ты, брат? — спросили стражники, по ходу дела связывая руки не прекращающему ругаться на иврите (и, как мы понимаем, ни в чём не повинному) молодому еврею в подштанниках.

— Завершу свой обход базара. Быть может, мне удастся найти ещё одного нарушителя спокойствия, наказав его на пару лишних таньга.

— Лишних таньга не бывает.

Резюмировав очевидное, слуги закона кивнули Ходже и невежливыми пинками погнали несчастного на опознание в еврейский квартал.

— Что с ним будет? — чисто из вежливости спросил Оболенский.

— Оправдают и откупят деньгами, — равнодушно отмахнулся Насреддин. — Мы же в Бухаре, а не в Багдаде. Здесь не принято сажать на кол человека, у которого есть чем платить.

— Коррупция, значит?

— Она самая, Лёва-джан.

Определившись с основной общегосударственной проблемой, соучастники спокойненько отправились на поиски верного Рабиновича. Данный эпитет к ослику прилагался довольно часто, причём из уст обоих владельцев. Что, согласитесь, уже само по себе было нелогичным — ведь если оба твоих хозяина уверяют друг друга в твоей преданности им, то кто-то один наверняка ошибается. А в случае с Рабиновичем, похоже, ошибались оба. Меж тем лопухий «слуга двух господ», цокая новенькими подковками, шествовал себе меж торговых рядов, высокомерно кося по сторонам на крикливых продавцов и суетящихся покупателей.

Базар кипел, бурлил, шумел грозовым прибоем, неумолимо и ярко, словно жил своей собственной жизнью, отдельно от всего

мира и сам вмещая в себя весь мир. Люди всех национальностей и возрастов, всякой веры и цвета кожи сливались в единое живое море, колышущееся, не затихающее ни на мгновение, торгующее, покупающее, лгущее, обманывающее, всучивающее, достающее, расхваливающее, обвиняющее, поющее, рыдающее, смеющееся, бьющее себя кулаками в грудь, ибо «клянусь Аллахом, это лучшие персики по обе стороны океана, а ткани моего соседа годны лишь на то, чтобы шайтан подтирал ими свою порочную задницу... Персики купи, да!». Что отвечал на это сосед, не стоит даже воспроизводить, так как мои книги читают и дети. Послушаем лучше других, ведь на базаре главное — слово...

— Женская кожа! Лучшая женская кожа! Башмачки, плащи, кошельки, сапожки из женской кожи... ай! Почему дерёшься, хозяин?! А-а... Продажа изделий из кожи ДЛЯ женщи-и-ин! Сразу надо было сказать, зачем сначала палкой по голове...

— Ай, уважаемый, подходи сюда! Купи плов, кушай плов, вкусный плов, полезный плов, из лучшего риса, с мясом молодого барашка, с морковью, луком, тмином, изюмом и горохом нут! Покупай-ай! Что сказал? Ты уже покушал плов? Где?! Вон там?! Вай мэ-э... надеюсь, они тебя отравили...

— Сабли, кинжалы, ножи из самого Дамаска! Даже из ножен вытаскивать страшно, боюсь порезаться. Тебе надо, ты вытаскивай, да... Не маши ею, не маши! Ай-ай-ай... Ну, теперь сам поднимай своё ухо. Нет, кошка не утацит. Она уже сытая, с утра все покупатели саблями машут...

Одиноким, праздношатающийся ослик не мог не привлекать к себе внимания. На него оборачивались, окликали, ища взглядом хозяина, пытались поймать за уздечку и удержать за хвост. Беспозное имущество всегда вызывает повышенный интерес у хозяйственных восточных граждан. Рабинович уже забодался убежать от наплыва желающих увести его с линии основного маршрута. Трёх самых активных соискателей он укусил, одного лягнул копытом в пах, другому отдал большой палец на ногу. Тем не менее две тёмные личности осторожно и невозмутимо подталкивали ослика в круп, заставляя уходить всё левее и левее, пока не загнали в какой-то грязный проулок, заканчивающийся ещё более замызганным тупичком.

Поняв, что его провели, Рабинович отважно обернулся к преследователям мордой и оскалил зубы. Двух грабителей это не очень смутило...

— Хороший ишак. Злой, сильный, высокий. Караванчики много заплатят.

— Да, зубы крепкие. Копыта без трещин, живот не висит. Но глупый, наверняка сбежал от владельца.

Ослик, развесивший было уши после первых комплиментов, тут же понурился. Он прекрасно понимал, что, спасая свою шкуру, бросил на растерзание толпы обоих нежно любимых хозяев...

— Заходи слева, а я справа. Хватаем моего осла.

— Почему твоего? Я первый его заметил.

— А я сумел загнать его сюда!

— А я указал тебе на него!

— А я...

— Ты только глянь, Ходжа, — раздался насмешливый бас за спинами грабителей. — Спорят, суслики плешивые, прям как мы!

— И не говори, Лёва-джан, — хладнокровно подтвердил крепенький страж с нарастающим брюшком. — Самому стыдно, но так похоже. Неужели мы собачимся из-за никчёмного ишака точно так же, да?

— Что такое, э?! — хором возмутились два недалёких жулика. — Это наш ишак!

— Рабинович? — подмигнул рослый блондин в еврейском платье.

Ослик недолго думая врезал задними копытами по почкам одному умнику и жестоко тыпнул между ног второго. После чего, под вой и стоны жертв, горделиво процокал к своим истинным хозяевам. И как истинный проныра аккуратно остановился между Львом и Насредином. Сантиметр в сантиметр, тютельница в тютельница — такое надо уметь. Оба соучастника одновременно сомкнули любящие объятия на крутой шее Рабиновича. Сегодня он одержал двойную победу, если вы поняли, о чём я говорю...

Ну в том смысле, что каждый из друзей всем сердцем ощутил, что на самом-то деле ослик предан только ему. И ведь не только ощутили, но и поверили оба! Хотя и не были наивными дураками, но каждому так хотелось верить, что это только «его» осёл...

Я не осуждал их. Более того, даже где-то немножко завидовал, потому что у меня такого замечательного животного никогда не было, нет и уже наверняка не будет. А ведь как было бы красиво и удобно в наше суетное время, миная пробки машин, душные авто, липучее ГАИ, прыгнуть на спину верного ишака и, забекренив тюбетейку, ехать себе вдоль астраханского лета, улыбаясь прохожим, читая вслух рубаи Хайяма о любви, красавицах и креплёном вине! Мечты, мечты, где ваша сладость?..

ХОРОШО ЖИТЬ НА ВОСТОКЕ

О трилогии Андрея Белянина «Багдадский вор»

Андрей Белянин не новичок на поприще детектива. Всем почитателям его творчества хорошо известен цикл о тайном сыске царя Гороха. Книги, входящие в него, написаны в форме традиционного (хотя и со сказочным уклоном) полицейского романа. Есть молодой милиционер Никита Ивашов, успешно расследующий всевозможные уголовные дела. Трилогия «Багдадский вор» — детектив наизнанку. Ее героем является «благородный» ворюга Лев Оболенский, волею неких сил оказавшийся на средневековом Востоке. Итак, по сюжетному ходу книга, казалось бы, примыкает к «Тайному сыску». Тем более что Оболенский тоже в некотором роде коллега Ивашова. Тот милиционер, а Лев — работник прокуратуры. Еще один расхожий штамп криминального романа — переродившийся правоохранитель? Не будем торопиться с выводами.

«Багдадский вор» отличается от сериала о сыскарях царя Гороха не столько завязкой сюжета и типом героя, сколько типом конфликта. Не знаем, вошло ли это в сверхзадачу Белянина или так уж вышло помимо авторской воли, но в целом «восточная трилогия» астраханского фантаста посвящена проблеме, над которой русские писатели ломали голову не одно столетие. Это соотношение Закона и Благодати. Что из них должно быть первично и служить основой для другого? Еще митрополит Иларион категорично заявил, что сначала нужен Закон, а уже после Благодать. Так испокон веков и повелось на святой Руси. Благодать, иными словами — человеческое счастье, достаток, духовность стояли на втором месте после Закона, служившего олицетворением государства.

Так и в трилогии Белянина. Слуга закона, потерявший память при переходе в иную реальность, попадает в мир, где Закон возведен в абсолютную истину. В первой книге трилогии правитель Багдада Гарун аль-Рашид, руководствуясь вполне благими намерениями, решил извести у себя в стране преступность. Но, как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад. Так оно и получилось. Багдад превратился в маленький земной ад для его населения. Жизнь без радости, мир без красок, без полутонов, где все обязано быть белым и никаким другим. Одним словом, типичная восточная деспотия. Как в таких условиях может проявить себя настоящий русский человек, хоть и запамятававший, что он русский? Причем человек, уже добрый десяток лет живущий в условиях сякой такой, но демократии. Естественно, именно так, как ведет себя Лев Оболенский. Он должен стать вне Закона, уподобиться Стеньке Разину, Емельяну Пугачеву, Дубровскому, наконец.

Русский человек на Востоке — это особая песня. Хоть двуглавый орел на государственном гербе и символизирует специфическое положение России, соединившей в своих границах Запад с Востоком, но не зря же орлиные головы смотрят в разные стороны. Как бы подтверждая мудрые мысли Киплинга насчет того, что Востоку и Западу вместе не быть никогда. Наш Иван (в дан-

ном же случае Лев) так и норовит сунуться везде со своим самоваром, перекроить местные порядки под себя, по своему вкусу.

На этом и держится главный стержень смеховой культуры в «Багдадском воре». Налицо карнавальность, балаганность разворачивающегося в книге действия. Герой неуклюже пытается сыграть «лицо восточной национальности». Однако это удается ему с трудом. Хоть сам он и убежден на сто процентов в своем восточном происхождении, но читатель постоянно кричит: «Не верю!» Русскость Оболенского так и прет из него наружу. Комизм заключается в столкновении грубовато-хамоватой природы новоявленного Багдадского вора с утонченно-расслабленной культурой средневекового Востока. Контраст новорусско-братковского лексикона Льва Оболенского и изысканно цветистой речи Ходжи Насреддина и его земляков — это основной языковой прием, используемый Беляниным в романе.

«Хорошо жить на Востоке», — поют Татьяна и Сергей Никитины. Почитаешь трилогию Белянина и впрямь подумаешь, что неплохо. На самом-то деле жизнь в средневековом Багдаде была совсем не сладкой и далекой от идиллии. Но фантаст воссоздает не реальный, а условно сказочный Восток. Восток «Тысячи и одной ночи». С той лишь разницей, что многомудрый правитель Гарун аль-Рашид превращается под пером русского фантаста в жуткого зануду-тирана. Отсюда, из авторского видения предмета, идет пространственно-временная организация белянинского мира. Ибо в романе явно смешаны различные временные пласты и реалии. Так, начнем с того, что в Багдаде правил не эмир, а халиф. Гарун аль-Рашид и Омар Хайям не были современниками, их разделяли несколько веков. Но сказка — это дело тонкое, как и сам Восток. Чего не может позволить себе автор сугубо исторического произведения, то вполне допустимо в книге сказочно-юмористической.

Восточный колорит виден и в структурной организации книг трилогии, построенных в виде дивана — сборника новелл и сказок. Истории, входящие в восточный диван Андрея Белянина, разнообразны в жанровом отношении. Здесь и социально-бытовые зарисовки, и новеллы-анекдоты, и волшебные истории. Особенно много последних. Белянин верен своей излюбленной манере. Он как бы пародирует все известные разновидности фантастического романа: научную, историческую фантастику, хоррор, фэнтези и др.

Главных героев в трилогии двое: Лева и Ходжа. Такие, казалось бы, разные. Что называется, «лед и пламень». Как они могли сойтись и подружиться? Фантаст проявил определенную смелость, решившись воссоздать в цикле хрестоматийно известный образ весельчака, балагура и остроумца Ходжи Насреддина. Он вступил в соперничество с вековой традицией и в особенности с таким мастером, как Л. Соловьев, обессмертившим образ Насреддина. Белянин и сам отлично понимает это — не случайно в трилогии он то и дело апеллирует к тени своего знаменитого предшественника.

По первоначальному замыслу писателя, уже в первой книге должно было произойти параллельное перемещение героев во времени и пространстве. Вместо Льва-коматозника в нашем времени должен был очутиться реальный средневековый житель Востока. Однако впоследствии писатель отказался от данного приема, который бы излишне усложнил структуру повествования, впрочем использовав-таки его в заключительной книге цикла. Таким образом, в первой книге Лев Оболенский находится одновременно в двух измерениях: нашем и условно-сказочном. Здесь при желании можно усмотреть влияние постмодернизма. Раздвоение личности, переплетение сна и яви, взаимо-

проникновение и взаимовлияние параллельных миров. Но не стоит приписывать Белянину то, чего нет. Экзистенциальные копания в подсознании человека — это не его область.

Рубаха-парень, готовый за правду-матку с топором на танк пойти, — вот кто такой Лева Оболенский. Андрей Белянин вообще мастерски создает типажи национального русского характера. В их лубочно-плакатном варианте. Высокий, крепкий блондин с румяными щеками, кровь с молоком. И швец, и жнец, и на дуде игрец. Защитник сырых и убогих. Готовый пройти огонь, воду и медные трубы. Такие герои встречаются только в сказке. Но ведь Белянин и есть по преимуществу сказочник. Требовать от него «правды жизни», чтобы он наделил своего героя наряду со светлыми еще и темными чертами характера, было бы нелепо. Ну где вы видели Ивана-царевича, страдающего над решением гамлетовского вопроса «быть или не быть?»! Да ему нужно царевну-лягушку в это время целовать или с Кощею Бессмертным сражаться. Так и Лева Оболенский. Он творит правое дело, не задумываясь о средствах достижения цели. Счастье отдельного человека выше Закона, считает герой.

Вторая книга трилогии «Посрамитель шайтана» выросла не только из первой книги о похождениях Льва Оболенского, но и из таких произведений, как «Вкус вампира», «Охота на гусара». А более всего — из «Казака в раю», где, пожалуй, впервые для творчества писателя столь пронзительно звучала тема единения перед лицом Всевышнего людей разных национальностей и вероисповеданий. В принципе фантаст писал об этом всегда. Какую бы из его книг мы ни взяли — везде найдем попытку решить проблему взаимопонимания людей (и «нелюдей»). Вот и «Посрамитель шайтана» все о том же. Об отношениях Запада и Востока, Бога (Аллаха) и дьявола (шайтана), вере и безверии, любви и ненависти, дружбе и предательстве. А еще о нелегкой писательской доле, о цене успеха и читательского признания и т.п.

Этот роман, если можно так выразиться, в большей мере проникнут восточным колоритом, чем первая книга трилогии. Вернее, Восток здесь более «правилен» и традиционен. Если мир, созданный Беляниным в «Багдадском воре», иногда ставил в тупик въедливых критиков, заставляя говорить о ряде несоответствий описанного фантастом реальным вещам, то в «Посрамителе шайтана» практически нет проблем с историко-культурными реалиями. Автор добросовестно воспроизводит местный колорит с точностью до мелочей. Будь то рецепт восточного плова, узор на халате и тюбетейке или описание кокандского медrese. А уж насколько писатель проникся духом и буквой Корана — так это вообще особый разговор. Например, блестящим синтезом подлинника и стилизации является «лекция», прочитанная Львом Оболенским и Ходжей Насреддином перед студентами медресе. Кроме того, что эпизод этот смешон сам по себе, он еще и наделен изрядной долей подтекста. Неразлучная парочка не то чтобы грубо и цинично насмехается над устоями религии, как это может показаться на первый взгляд. Нет, она всего лишь очищает закосневшие религиозные догмы от всего нечеловеческого, наносного, возвращая веру ее первоначальное, жизнеутверждающее значение.

На протяжении всего повествования ведется напряженный диалог о смысле веры, о взаимопонимании. И именно диалог представителей европейской и азиатской культур, а не просто штыковая атака, как это стало модно в последнее время, когда огульно охаивается все, что связано с оппонентом. Белянин вставляет и свое веское слово в развернувшуюся полемику об опасности исламизации Европы. Европейский человек вполне может ужиться и

прижиться на Востоке. Для этого совсем не обязательно изменять вере, морально-этическим принципам, культурным архетипам. Нужно просто быть Человеком. Капля живой чужеземной крови (не пролитой в бессмысленной и беспощадной резне, а влитой в жилы народов Востока) лишь разбавляет и освежает азиатскую кровь, не давая ей застояться. Равно как и обратный процесс полезен для Запада. Такова точка зрения писателя, всю жизнь прожившего в городе, лежащем на перекрестке двух культур — православно-христианской и мусульманской. Астраханец Белянин с полным основанием может судить о таких вещах. Его до глубины души возмущает та мусть, которая неведомо откуда и почему выплеснулась из темных глубин нашего «я» и заставляет нас косо глядеть на соседа, имеющего несколько иной разрез глаз, форму носа и более загорелую кожу. «Нет ксенофобии, нет братоубийственной войне!» — не устает повторять фантаст.

Так зачем же Лев Оболенский вторично идет на Восток? Его «первое пришествие» состоялось при весьма необычных обстоятельствах. Тогда герой был, что называется, в беспамятстве. Не помнил ни родства, ни свойства, ни корней. Оттого и попадал постоянно в комические ситуации, из которых выходил, проявляя подлинные чудеса изворотливости и изобретательности. Сейчас же Багдадский вор перенесен в Среднюю Азию в трезвом уме и рассудке. Потому и ведет себя совсем не так, как на Ближнем Востоке. Его действия обдуманно, но от этого не становятся менее комичными. Ведь менталитет нельзя искусственно состарить, как какой-нибудь фальшивый артефакт. Смеховое пространство второй книги и зиждется на оппозиции двух культурных моделей — средневековой азиатской и современной европейской. Причем противостояние это не трагически-антагонистическое. Потому что на сей раз у Левы нет таких зловещих и коварных противников, как повелитель Багдада. И в самом деле, разве можно считать достойными неприятелями жалкого владыку Коканда Муслима аль-Люли Сулеймана ибн Доде (от одного имени смешно становится) или начальника стражи Аслан-бея (тоже «говорящее» имечко)? Конечно, нет.

Подавшийся в нашу реальность на заработки джинн Бабудай-Ага с обезоруживающей прямоотой говорит, что перенес Оболенского на Восток потому, что там «без него скучно». Но вообще-то больше веришь тому, что развеселый дух говорит герою несколькими минутами ранее: «Хайям просил вернуть тебя, когда вновь появится нужда в Багдадском воре. Ты помог своим друзьям, одолел человеческие пороки, осмеял плохих, насрамил самого шайтана, и надеюсь, хоть теперь понял, кто ты есть сам?» Здесь и кроется истина. Понять, кто ты есть, что собой представляешь, — это всегда главная цель для любого литературного героя. Ну и попутно победить зло.

Воплощение зла — шайтан — у Беянина фигура изначально комическая. Он совершенно не тянет на зловещего погубителя или коварного искусителя рода человеческого. Так, жалкая шавка, не больше. Совсем как гоголевский черт-неудачник, на свою рогатую голову связавшийся с кузнецом Вакулой. На него отовсюду шишки валяются. Вольно и невольно шайтан подставляется под очередное «посрамление». Таким довольно необычным образом автор сглаживает все национально-религиозные конфликты. Дескать, черт попутал. А ну-ка зададим ему за это перцу. И в этом порыве наказать зло по заслугам объединяются люди разных вероисповеданий. Раз дьявол для всех один, так и Бог тем паче *един*.

Смех да Любовь — две силы, которые у Беянина рушат все преграды. И хотя любовь, как и вера, не объект для насмешек, писатель не может удержаться от

того, чтобы немножко не пошутить и над этим святым чувством. Внешне весь конфликт второго романа сводится к тому, что незадачливый башмачник Ахмед упустил свою женушку Ириду аль-Дюбину и Льву Оболенскому приходится приложить все усилия, чтобы восстановить этот брак. Разве же не повод, чтобы позубоскалить, представляя себе эту несуразную пару из художочного жалкого мужичонки и мощной мужеподобной девахи? И это притом, что на руку временно свободной «прелестницы» претендуют еще два человека — владыки Коканда и Самарканда. Однако, веселясь и потешаясь от всей души, писатель показывает, как Любовь облагораживает даже самые зачерствевшие сердца. Все существа в романе вольно или невольно стремятся отогреться у костра любви. Пылают при упоминании о ней глаза и щеки юных слушателей кокандского медресе, обреченных на унылое прозябание над священными текстами. Отмякает от нескольких ласковых слов злобная ведьма Кирдык-аби, а от нежного массажа — адский скакун Кара-Анчар. Спадают чары с заколдованных тцевов Корана, когда их жалеют растроганные девушки. И даже самому шайтану порой хочется, чтобы и его, как его соперника Аллаха, хоть иногда, хоть немножечко любили верующие.

Но, понятное дело, главное внимание в «Посрамителе шайтана» уделено развитию чувств героя и героини. Здесь тоже не обходится без драматизма. Едва найдя Джамилю, Лева ее тут же и теряет. Вновь находит, и снова разлука. А еще наслаиваются сомнения этического плана. Бешабашного сивку из «Багдадского вора» таки укатали крутые горки. Он постоянно помнит о том, что где-то там, далеко у него имеется жена и ребенок. Будет ли изменой семье его «незаконная» любовь к прекрасной восточной красавице-вдове? По нравственным, религиозным законам, несомненно, будет. По законам же жанра, тем более сказочного, не совсем. Не случайно в финале «Посрамителя» джинн Бабудай-Ага приводит Оболенского на могилу Омара Хайяма. И в этом святом месте испукательно-очищающей молитвой звучат жизнеутверждающие стихи великого поэта. Здесь окончательно примиряются Европа и Азия, и заканчивается второе пришествие Багдадского вора на Восток.

Казалось бы, в первых двух книгах автор уже сказал все, что мог, а герой совершил все мыслимое и немислимое, вплоть до посрамления самого шайтана. Куда уж дальше и больше? Разве что замахнуться на Самого... Не слишком ли смело? А Белянин так и сделал, написав третий, заключительный, роман «восточного цикла» «Верните вора!».

Если оставить в стороне историю Льва Оболенского, сосредоточившись лишь на ее обрамлении, в качестве которого выступает рассказ о приезде к писателю в гости Ходжи Насреддина, то можно видеть, что перед нами книга о Боге. О его формах, именах, посланниках (лживых и истинных), об особенностях поклонения Всевышнему. Не случайно уже на первых страницах вместе со звуками намаза звучит и такое: «И мир внимает священным словам «Аллах акбар!». Не тому страшному, доставшему всех, безумному кличу террористов, убивающих женщин и детей, а — исходному, чистому, незапятнанному смыслу этих слов: «Господь велик! Воистину велик! Мы все лишь неразумные дети Его и наша жизнь подобна песчинке в часах Вечности». Почти гоголевская философичность. Здесь ключ к пониманию идейного замысла романа. Читать книгу нужно, чуть отстраняясь от ее восточного колорита, понимая, что часто упоминаемый в ней Аллах — это не какая-то дань исламу, заигрывание с мусульманами и не элемент воссоздания местного колорита, а просто обращение к Богу. Тем более что христианство и ислам имеют одни корни.

СОДЕРЖАНИЕ

БАГДАДСКИЙ ВОР.	7
ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА	295
ВЕРНИТЕ ВОРА!	487
<i>Игорь Черный. Хорошо жить на Востоке. О трилогии Андрея Белянина «Багдадский вор».</i>	<i>694</i>